

Анна Берсенева
Портрет второй жены
Серия «Диалогия «Ядовитые цветы»», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129132
Портрет второй жены: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19851-1*

Аннотация

Не многие Золушки, мечтающие о прекрасном принце, предполагают, что он может оказаться женат. В крайнем случае объекту мечтаний «разрешается» иметь жену-стерву, недостойную его.

Но что делать, если выясняется, что жена любимого человека – это его первая любовь, если с ней связаны его лучшие воспоминания о детстве и юности?.. Разрешить этот вопрос оказывается для юной провинциалки Лизы Успенской труднее, чем вписаться в жесткие реалии столичной жизни.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Берсенева Портрет второй жены

Дорогой читатель Литрес!
Я старалась писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

т. Сои
(Анна Берсенева)

Часть первая

Глава 1

«И зачем я только вернулась, почему не осталась в Кельне? Точно затмение нашло...»

Так думала Лиза Успенская, просыпаясь каждое утро в большой комнате Колиной квартиры и с тоской перебирая в уме, что можно делать сегодня – после того как Коля и Наташа уйдут на работу и захлопнется дверь за спешащим в гимназию Андрюшкой.

Все решительные поступки, которые совершала Лиза за двадцать один год своей жизни, подчинены были чувствам – иногда неясным, но всегда сильным. И впервые она жалела об этом... Именно из-за неясных чувств – точнее, из-за отсутствия всяких чувств – она не вышла замуж за Пауля Кестнера, не осталась в Германии, вернулась зачем-то в Москву, как будто здесь ждала ее какая-то необыкновенная жизнь. И вот пожалуйста: пустая квартира, и за стенами – огромный город, в котором никто ее не ждет.

Лиза бродила по серым мартовским улицам, пока не промокали сапоги, потом возвращалась домой, готовила обед, встречала из гимназии Андрюшку, шла в садик за Маринкой. И для этого она вернулась?

Она знала, что ни брат, ни его жена не предложат ей поискать работу, не намекнут на то, что она мешает, – скорее всего, им и в голову это не приходило. Наташа даже радовалась, что Андрюшка не сидит до вечера в пустой квартире. Но чувство никчемности не отпускало Лизу, и будущее представлялось не менее пустым, чем настоящее.

Комната в Воротниковском переулке приснилась ей неожиданно, Лиза совсем не вспоминала ее. И вдруг – потертый ковер на полу, тигровый плед, золотистые корешки книг, старая кофемолка с пасторальными рисунками, ключ поворачивается в замке... Проснувшись, Лиза почувствовала, что щеки у нее мокрые от слез.

«Боже мой, – подумала она, – ведь только тогда они и были – чувства, которые исчезли сейчас...»

Тогда ее душа была так заполнена любовью, что вздохнуть было трудно. Тогда ждала она человека, от одного звука шагов которого замирало сердце.

Вдруг она поняла, что хочет увидеть Арсения – сейчас, немедленно! Это был странный, мгновенный порыв – из тех, которым Лиза привыкла доверяться. Она не знала, было ли это возвращением любви или просто нахлынули воспоминания, но желание его увидеть было настолько сильным, что Лиза даже по комнате прошла, пытаясь успокоиться.

Солнце уже заглядывало в окна, прозрачные пылинки плясали в его лучах. Тишина стояла во всей квартире, и ничто не мешало Лизе вслушиваться в себя. Она должна его увидеть! Как могло случиться, что она даже не поговорила с ним ни разу, после того как закрыла за собой дверь там, на Воротниковском, чуть больше года назад? Да, была уверена тогда, что разлюбила его, невыносимы были даже его прикосновения – но, может быть, это было не навсегда?..

Лиза подошла к телефону, потом вспомнила: да ведь утро сейчас, он наверняка на работе. Значит, ждать до вечера? Но желание услышать его голос было таким сильным, что Лиза все-таки набрала номер.

– Слушаю вас, – ответил женский голос. – Алло, кто это? Извините, вас не слышно.

– Я... Я хотела бы поговорить с Арсением Борисовичем, – едва выдавила из себя Лиза.

Она уже раскаивалась в том, что позвонила. Ведь это пройдено, ничего не вернуть, зачем же она ворошит эти угли, какой хочет разжечь огонек?

– Сейчас я его позову, – ответила женщина. – Арсик, это тебя. Пациентка, наверное, такой голосок нервный, – добавила она со смешком, понизив голос.

Лиза поняла, что Арсений узнал ее сразу, как только она произнесла первые слова.

– Я слушаю вас, Елизавета Дмитриевна, – спокойно сказал он, точно она и правда была его пациенткой. – Снова бессонница беспокоит?

– Я хотела поговорить с тобой, – сказала Лиза, стараясь говорить не слишком громко.

– Ну что ж, если вы находите, что вам нужна еще консультация... К сожалению, график у меня очень плотный. Давайте сделаем так: сегодня я дежурю в Склифософского. Конечно, ночью буду оперировать, а вот утром после дежурства с удовольствием вас приму. Вы помните, куда идти?

– Да, – ответила Лиза.

Она уже догадалась, что он говорит все это для той женщины, что сняла трубку, – скорее всего, для жены. Что ж, тем лучше: ведь она и не собиралась бросаться ему на шею, ей просто было необходимо его увидеть, чтобы понять...

– Вы сможете прийти к восьми? – спросил Арсений.

– Да, – снова ответила она.

– Вот и прекрасно! Значит, завтра в восемь в ординаторской. Пропуск я вам закажу. До встречи, Елизавета Дмитриевна.

«Конечно, зря я все это затеяла, – подумала Лиза, положив трубку. – Что мы можем сказать друг другу? Он-то уж точно ничего не собирался мне говорить. Даже не позвонил ни разу после того...»

Теперь она уже ругала себя за то, что поддалась очередному неясному порыву. Сколько можно подчинять жизнь эмоциям, много ли счастья ей это принесло?

И все-таки она едва дождалась утра. Ведь это Арсений, ведь это его она любила до самозабвения! Неважно, что нельзя повторить то, что ушло!..

Лиза приехала в Склиф в сумерках. Возле лифта в вестибюле собралась толпа, и, торопливо застегивая белый халат, Лиза едва не побежала на восьмой этаж пешком, чтобы не потерять ни минуты.

Воспоминания нахлынули на нее сразу, как только она оказалась в длинном коридоре первой травматологии. Вот здесь она плакала ночью, сидя на кушетке, когда Арсений подошел к ней неслышными шагами, вот здесь, в ординаторской, они пили чай, и Арсений впервые поцеловал ее...

Лиза открыла дверь. В ординаторской уже собирались врачи, но она увидела только его – ей показалось, что он совсем не изменился. Арсений поднялся из-за стола ей навстречу.

– Привет, Лиза, – сказал он, как будто они расстались вчера. – Я рад тебя видеть. Знаешь что, давай-ка здесь мешать не будем, а пойдем, пойдем...

– Долго тебе, Арсений Борисыч? – пробасил рослый врач, в котором Лиза узнала завотделением.

– Нет, Алексей Фомич, проконсультирую вот только девушку...

– Ну-ну, – одобрил Фомич. – Девушка достойна консультации. Не из бывших ли наших пациенток – знакомое личико? Можешь ко мне пока пойти, я все равно сейчас на обход уйду.

В кабинете заведующего Лиза села в большое дерматиновое кресло, Арсений устроился на диване напротив.

– Как дела? – спросил он.

– Все в порядке, – ответила Лиза; она не знала, что говорить дальше.

– Ты что-то хотела мне сказать?

– Да ничего особенного...

– Зачем же тогда позвонила? – удивился Арсений. – Я думал, у тебя случилось что-нибудь.

– Проконсультировать хотел? – усмехнулась Лиза. – Ты что, уже обзавелся частной практикой?

Волнение, которое не отпускало ее с той минуты, когда она услышала голос Арсения по телефону, вдруг исчезло само собою. Лиза спокойно смотрела на него и уже не понимала даже, зачем хотела его видеть. Конечно, она знала, что ничего не вернуть. И все-таки ей казалось, что, увидев Арсения, она сможет восстановить утраченное душевное равновесие. Как будто даже воспоминания о том счастливом времени, когда они любили друг друга, могут оказаться целительными...

– Да, удалось наконец, – ответил Арсений. – У меня теперь в Склифе только дежурства. Жалко, знаешь, совсем бросать, все-таки операционная практика огромная. Кручусь, в общем.

Теперь Лиза видела, что он все-таки изменился за этот год. Плечи стали шире, черты лица – резче, даже излучина губ, чувственных и нежных, стала, кажется, другой. И, главное, из его взгляда исчезла та трепетность, которая когда-то сводила ее с ума. Вместо нее появилась спокойная уверенность в себе.

Лиза поняла, что не сможет объяснить ему, зачем хотела его увидеть.

– Все прошло, Лиза? – вдруг спросил Арсений, внимательно глядя в ее лицо. – Все прошло у тебя?

Что-то встрепенулось в ней при этих словах. О чем он спрашивает, во что вглядывается в ее глазах?

– Ты о чем? – спросила она.

– Ну, все-таки ты так переживала тогда, после аборта, – спокойно объяснил он. – Конечно, и мне нервы потрепала порядком, но тебя было очень жаль.

Она не ожидала, что он скажет об этом так просто и даже равнодушно, как будто речь шла о чем-то, что произошло не с ними. Болезненное, тяжелое разочарование постепенно охватывало ее. Хотя она ведь и не знала, каким его найдет, почему бы ему не быть именно таким?

– А у тебя как дела? – спросила Лиза. – Женился, кажется?

– Да, почти, – ответил Арсений. – Не расписаны, но живем вместе.

Наверное, он ожидал, что Лиза будет расспрашивать о его жене, но ей не было до этого никакого дела. Она вглядывалась в его лицо, пытаясь найти за этой безмятежной уверенностью хотя бы следы того, что любила когда-то, – и не находила.

Лиза боялась признаться себе в том, как надеялась, что ошиблась тогда, сказав ему: «Я тебя разлюбила». Может быть, просто были расстроены нервы, вот и сказала? Но сейчас, слушая его, видя его перед собой, она понимала: ошибки не было. И надежды теперь нет – она остается наедине с этой пустотой, она одна в этом непонятном мире, и ей некуда идти, когда она выйдет на улицу.

Арсений взглянул на часы.

– Извини, я тебя задерживаю. – Лиза встала. – Действительно, довольно глупо было тебя беспокоить без дела. Не обижайся!

– Да я не обижаюсь, – улыбнулся Арсений, и лицо его на мгновение осветилось прежним светом – светом молодости. – Ты ведь всегда такая была.

– Какая? – быстро спросила Лиза.

– Чувствительная, – ответил он. – Нелегко с тобой было в эмоциональном отношении, что и говорить. Хотя, конечно, в постели тебе не было равных. Вот где чувствительность-то на пользу!

– Что ж, прощай, – сказала она. – Рада была тебя повидать.

На прощание Арсений задержал ее руку в своей, но Лиза отняла руку. Может быть, он не прочь прямо сейчас повторить с ней постельные восторги, ей-то что до этого? Выйдя из кабинета, она сразу пошла по коридору к выходу.

Коридор показался Лизе бесконечным; она ничего не видела перед собою.

«Он прав, – думала она, поскользываясь на свежеевымытом линолеуме. – Это цинично, конечно, – то, что он сказал, – но что обижаться на циничность, если это правда? Кому нужно все это – то, что он называет чувствительностью? Даже и в постели, наверное, прекрасно можно обойтись без этого – поднабраться только опыта...»

Она чувствовала, как все словно оледенело в ней.

«Что-то я долго иду, – подумала она машинально. – Наверное, выход прошла».

Наконец кончились палаты, и Лиза увидела справа дверь без номера.

– Вы куда, девушка? – вдруг услышала она, уже открыв эту дверь.

Лиза тут же поняла, что ошиблась – попала в палату. Она увидела широкую кровать, окруженную капельницами и приборами; кто-то лежал на кровати, накрытый по пояс одеялом; женщина сидела рядом на стуле, держа на коленях книгу.

– Извините, – сказала Лиза. – Я думала, это уже выход...

Человек, окликнувший ее у двери, тут же взял ее за руку.

– Выход дальше, – сказал он. – Здесь больной, разве непонятно? Давайте-ка я вас провожу.

Лиза посмотрела на своего неожиданного провожатого. Перед ней стоял высокий, широкоплечий мужчина, на вид лет сорока. Волосы у него были совсем светлые, как будто выгоревшие, но даже на этом фоне сразу бросалась в глаза широкая седая прядь; черты лица крупные, точно вырубленные, светлые глаза внимательно прищурены. Лизе не очень нравилась внешность такого типа – грубоватая, хотя и мужественная. А сейчас ей и вовсе было не до того.

– Спасибо, я найду, – сказала она. – Извините, что помешала.

Она уже подошла к выходу на лестницу, когда вдруг услышала женский голос:

– Девушка, девушка, постойте!

Из палаты, в которую Лиза только что вошла по ошибке, выглянула та самая женщина, что сидела у кровати с книгой.

– Девушка, можно вас на минуточку? – позвала она.

– Ты чего, Юлия? – обернулся Лизин провожатый.

– Пусть она зайдет, Сережа, – потребовала та.

Лиза вернулась обратно к двери, женщина тут же схватила ее за руку и втащила в палату.

– Девушка, вы здесь работаете? – торопливо спросила она.

Несмотря на погруженность в свои мысли, Лиза едва не ахнула. Перед ней стояла настоящая красавица! Высокая, длинноногая, такая стройная, что даже не верилось – неужели обыкновенная женщина, которая запросто останавливает тебя чуть ли не на улице, может быть так сложена? У нее были светло-каштановые волосы с рыжинкой, небрежно сколотые на затылке, с выбивающимися отовсюду прядями и завитками. Но Лизу трудно было обмануть этим мнимым беспорядком в прическе. Она прекрасно помнила, что говорил когда-то Неретинский, хозяин салона «Царица Мэб», о продуманной небрежности!

И лицо у красавицы было такое ухоженное, и большие золотисто-карие глаза подведены так умело, что это было почти незаметно, и пахло от нее не просто духами, а очень тонкими и дорогими духами... Не бывает всего этого, если женщина не думает о своей внешности.

Она была в короткой юбке, открывающей ноги в золотистых чулках, длинный темно-сиреневый свитер обрисовывал бедра.

– Нет, я просто зашла с врачом поговорить, – ответила Лиза.

– Ах, как жаль! – воскликнула женщина. – Что же мне делать?

– Ну что ж теперь, Юля, – сказал мужчина, провожавший Лизу к выходу. – Придется посидеть.

– Да не могу же я, сто раз уже тебе говорила! – Она сердито стукнула ладонью по спинке стула. – Опаздываю ведь!

Она снова обернулась к Лизе, и та залюбовалась ее осанкой.

«Просто королева!» – подумалось ей.

– Девушка, – вдруг спросила Юля, – а не могли бы вы посидеть здесь, то есть подежурить у больного?

– Могла бы, – удивленно ответила Лиза. – А сколько сидеть?

– Да я сама не знаю, в том-то все и дело!

Юля даже покраснелась от негодования, сделавшись еще красивее.

– Понимаете, – сказала она, – сиделка уже час как должна была прийти – и нету! Что это за люди, честное слово: сколько им ни плати, все равно работать не будут по-человечески! А здесь, вы же видели, одна санитарка на весь этаж, да и та пьяная с утра. Посидите, а, девушка, я вас очень прошу! Может, она и придет еще, сиделка эта проклятущая.

Быстро объясняя все это, красавица сбросила тапочки и одним изящным движением надела перламутрово-сиреневые ботиночки на шпильках.

– Не надо бы, Юля, – сказал мужчина. – Ты же ее впервые видишь, мало ли...

– Я посижу, не беспокойтесь, – сказала Лиза, сердито посмотрев на мужчину: зачем он спорит с такой женщиной! – Я все равно не тороплюсь. Надо что-нибудь делать?

– Надо флаконы менять. Видите, вот здесь, на капельнице, – торопливо объяснила Юля. – Следите, чтобы воздух не попал. Как только один кончится, сразу переставляйте следующий, они здесь стоят по порядку, смотрите не перепутайте. Ох, это просто счастье, что я вас поймала, я ведь на самолет опаздываю, в Париж, просто беда!

Юля надела длинный светло-сиреневый плащ из какой-то необыкновенной блестящей и шуршащей ткани, похожей на фольгу, перебросила через плечо ремень большой кожаной сумки, мгновенно взглянула в зеркало, висящее на стене, поправила волосы; звякнули браслеты на ее запястьях. Быстро оглядев палату, она взяла со стула книгу в яркой обложке и бросила в сумку.

– Все, Сережа, пока! – простилась она. – Смотри, ты же знаешь... Я позвоню вечером, не волнуйся.

Она склонилась над лежащим в кровати, коснулась губами его щеки, потом пронеслась к двери, легко ступая на тонких шпильках.

– Езжай осторожно, не гони, дорога скользкая! – крикнул ей вслед мужчина.

Он помолчал, слушая, как стучат по коридору Юлины каблучки, потом повернулся к Лизе:

– Что ж, девушка, придется вам приступить к своим обязанностям, раз пообещали. Я с той стороны у двери стою, зовите, если что.

«А ведь это охранник», – поняла Лиза.

С тех пор как она приняла охранника Виктора за его приятеля, она больше не ошибалась. У них был особый взгляд, у этих людей, и движения какие-то пружинистые.

Охранник вышел в коридор, а Лиза поменяла флакон на капельнице и села на стул у кровати. Прозрачная трубочка вела к руке лежащего мужчины. Лиза впервые взглянула на него. Он спал или был без сознания – лицо совершенно белое, без кровинки, закрытые глаза обведены синевой, темно-русые волосы прилипли ко лбу. Лиза заметила, что глаза у него какие-то необычные – широко поставленные. На нем была белая рубашка с завязками

у ворота, но не больничная, а из тонкого льняного полотна; видно было, что вся грудь под ней в бинтах.

Лиза не могла понять, дышит ли он, и даже испугалась: а вдруг он умер? Но словно для того, чтобы ее успокоить, ресницы у больного дрогнули, глаза приоткрылись. Он взглянул на Лизу, прошептал: «Юля?» – и тут же снова закрыл глаза.

– Я не Юля, – зачем-то сказала она, понимая, что он уже не слышит.

Лиза выглянула в коридор.

– Скажите, а он не умирает? – спросила она у охранника. – Может, его в реанимацию лучше? Он стал совсем как мертвый...

– Он и есть почти что мертвый, – ответил охранник. – Столько свинца вкатили, шутка ли.

– А что с ним случилось? – спросила Лиза.

– А это, девушка, не ваше дело, – отрезал охранник. – Ваше дело – флаконы менять.

Лиза обиделась и закрыла дверь. Нашли прислугу!

«Возьму сейчас и уйду, будут знать», – подумала она с детской обидой.

Уходить она, впрочем, не собиралась. Куда теперь уйдешь, не оставляй же его, такого! Делать ей было нечего.

«Хоть бы книгу оставила», – подумала она об исчезнувшей Юле.

Время от времени поглядывая на капельницу, Лиза снова села на стул у кровати и всмотрелась в лицо лежащего.

Хоть и были закрыты его глаза, ей показалось, что печать страдания и одновременно удивления лежит на этом лице.

«Конечно, – размышляла она. – Ведь ему больно, наверное?»

Она не могла определить, сколько ему лет. Волосы на висках немного серебрятся – но совсем чуть-чуть, а это ведь когда угодно может быть. Одна бровь рассечена у самого края светлым старым шрамом – едва заметно, и от этого даже сейчас кажется, что она удивленно приподнята. Глаза действительно необычные, чуть ли не у висков.

«Такие у художников бывают, – вдруг вспомнила Лиза. – Кто это мне говорил – Наташа, что ли? Но он, конечно, вряд ли художник».

Лиза уже приготовилась сидеть здесь не меньше чем до вечера и даже обрадовалась немного – вот и занятие! – как вдруг дверь приоткрылась.

– Юлия Георгиевна, вы уж меня извините, беда с этими электричками!

В палату заглянула аккуратная старушка в белом халате. Увидев Лизу, она недоуменно спросила:

– А жена его где же?

– В Париж улетела, – ответила Лиза. – Очень вас ругала, между прочим.

– Да я и говорю, – зачастила сиделка, – две электрички подряд отменили, ну что ты будешь делать! В третью и то еле втиснулась...

Что ж, значит, можно идти. Лиза почему-то вздохнула и пошла к выходу. У двери она обернулась. Лицо раненого почти сливалось с подушкой, только темнели брови – правая удивленно приподнята...

– До свидания, – сказала Лиза – то ли сиделке, то ли ему.

– Путь добрый, детка, – ответила старушка. – Спасибо, что посидела.

Когда Лиза вышла на улицу, совсем рассвело. Ноги заскользили по талому снегу, мокрый ветер прильнул к разгоряченным щекам.

«Куда теперь идти?» – подумала Лиза и неожиданно поняла, что задала себе этот вопрос без той горечи, которую вкладывала в него еще вчера, да и сегодня утром.

Просто – куда идти, в метро или на троллейбус?

Она пошла пешком в сторону Садового кольца, и сильный мартовский ветер подталкивал ее в спину, точно поддерживал или торопил.

Глава 2

Впервые после рождения сына Инга Широбокова чувствовала себя спокойно.

Правда, Тоша всегда был хорошим мальчиком и не доставлял ей слишком много хлопот – по сравнению, например, с тем, как мучил свою маму соседский Вадик. Но уже одно то, что о ребенке приходилось думать постоянно, сводило Ингу с ума. Спит ли он, поел ли вовремя, почему не набирает положенного веса, почему такой бледный, или красный, или потеет по ночам?

Весь первый Тошин год вспоминался Инге как непрерывный кошмар. Со стороны, наверное, все это выглядело очень мило. Во всяком случае, Эльвира Павловна, новоиспеченная бабушка, то и дело восклицала по телефону:

– Кто бы мог подумать, что из Ингушеньки получится такая сумасшедшая мамаша! Ведь она вся была в своих натюрмортах!

Но сама Инга чувствовала, что еще немного – и ее просто свезут в клинику неврозов. Ну не могла она, не могла жить в постоянном сознании того, что собственная жизнь больше ей не принадлежит! И вместе с тем, кто станет думать о Тоше, если она позволит себе расслабиться? Бабушка Эля приходила ровно два раза в неделю – как казалось Инге, главным образом для того, чтобы продемонстрировать новое платье и обсудить с дочерью сплетни в Союзе художников.

– Представляешь, Семенов получил-таки мастерскую на Патриарших! – говорила она, закуривая длинную черную сигарету с золотистым ободком. – Кунцев добивался из последних сил, его все уже поздравляли, и Введенцев был за него – и вдруг отдали Семенову, ну надо же!

Инга с тоской смотрела на ароматную сигарету в маминых пальцах. У нее просто скулы сводило от желания покурить, но нельзя: она кормит Тошеньку. Присев на край стула на кухне, она с тревогой вслушивалась в каждый шорох за дверью в детскую – вот-вот проснется, а овощное пюре не готово, и мясо не перекручено... Господи, неужели были времена, когда Инга могла себе позволить до утра засидеться в гостях, уехать на море хоть на все лето или завиться на пару дней в Питер – просто так, чтобы сменить обстановку! Сейчас, казалось бы, и возможностей больше: хоть на Канары лети, хоть в Италию, Гена заплатит – даже не заметит. Но с кем оставить ребенка – не с бабулей же Эльвирой.

«Я там с ума сойду, на Канарах, – думала Инга. – Да и Эле в голову не придет предложить».

Гена появлялся поздним вечером, и то не всегда, и Инга уже привыкла к тому, что муж стал в доме какой-то полумифической фигурой. По правде говоря, она давно разошлась бы с ним. В конце концов, он наверняка давал бы ей не меньше денег, чем теперь, а какой еще от него толк? Но едва она думала о том, сколько забот связано с разводом, как тут же решала: пусть все идет, как идет, бывает хуже.

Инга уже с трудом представляла себе, зачем она, эффектная девушка из интеллигентной семьи, художница, вышла замуж за бизнесмена Широбокова, с которым познакомилась в ресторане Дома кино. После того как родился Тоша и жизнь ее резко переменилась, те времена казались Инге почти нереальными, невообразимо далекими.

Кажется, Широбоков был молчаливым, сдержанным и этим выгодно отличался от божественной тусовки, к которой привыкла Инга. Ну и деньги, конечно. А почему бы и нет? Инге нравилось, что ее новый кавалер не читал меню в ресторане справа налево, что присылал за ней машину в мастерскую, если она засиживалась допоздна, что дарил зимой роскошные букеты...

Конечно, Ингино детство и ранняя юность прошли далеко не в нищете. Ее отец давно решил, что благосостояние свое и семьи дороже, чем следование каким-то расплывчатым художественным идеалам, а быть одним из руководителей Союза художников весьма выгодно и даже приятно, особенно если забыть о некоторых стремлениях беспечной молодости. Поэтому ни Инге, ни ее младшему брату Юрочке думать о деньгах не приходилось – как, впрочем, и маме Эле. Да их почти и не существовало, денег, – в том мире, где распределялись дачи и мастерские, выгодные заказы и поездки за границу, и путевки, и мебель, и машины... И все это могло принадлежать маститому художнику Владимиру Сергеевичу Ратникову или любому члену его семьи – только пожелай.

Когда вдруг оказалось – да еще так быстро и почти незаметно! – что жизнь утратила прежнюю стабильность, которая казалась вечной, что хозяевами ее стали совсем другие люди, чем прежде, – ни Владимир Сергеевич, ни его семья были к этому не готовы.

Это были ужасные годы: все менялось на глазах, рушились солидные репутации, терялись все ориентиры, а ведь с ними были связаны не какие-то отвлеченные идеи, а вполне конкретные повседневные поступки. Инга не любила вспоминать те годы. Правда, потомто все более-менее утвердилось снова, и Владимир Сергеевич сумел преодолеть растерянность, снова занял подобающее положение в обществе, а уж Юра!..

Но те несколько лет... Тогда-то Инга и вышла замуж за Широбокова.

Все шло в общем-то неплохо, пока не родился Тоша. Инга рисовала «свои натюрморты», ездила на самые престижные презентации и вернисажи. Время от времени господин Широбоков вывозил жену в свой «свет», который не вызывал у Инги ничего, кроме безгливости.

– Бог мой, Гена, ведь ты же интеллигентный человек! – восклицала она по дороге домой. – Как ты можешь общаться с этими торгашами! Этот твой – как его, ты говорил, Берецкий? – смотрел на меня так, как будто купить собирался, только что не ощупывал. Ужас!

– Что поделаешь, моя дорогая, – усмеялся Гена. – Будь снисходительной. Конечно, эти люди не членкоры Академии, но они кое-что значат в жизни. А от Берецкого, между прочим, во многом зависит мое будущее. И твое, значит, тоже. Разве ты не хочешь, чтобы я поехал представителем нашей фирмы во Францию?

Во Францию Инга, конечно, хотела и поэтому не слишком спорила с мужем. В конце концов, не так уж часто ей приходилось ездить с ним к этим его берецким, можно было иногда и потерпеть. Зато ей не надо было считать копейки, как большинству ее подруг, не нашедших себе места в новой жизни. Даже ее отец поглядывал на Широбокова с опасливым уважением, словно не понимая, что заставляет зятя заниматься странным и непонятным интеллигентному человеку торговым делом...

Геннадий Широбоков что-то продавал – что именно, Инга не вникала. Кажется, лес, да, так он и говорил – лес, и в названии его фирмы упоминался лес, в какой-то дурацкой, вполне советской аббревиатуре.

«Что ж, лес так лес, какая разница?» – думала Инга, покупая самую дорогую английскую коляску для ребенка, который вот-вот должен был появиться на свет.

Она не была суеверной и поэтому рассудила: кто купит все необходимое, пока она будет в роддоме? Не Элечка ведь, она непременно наберет какой-нибудь ерунды, и, уж конечно, не Гена.

К тому времени как Инга собралась рожать, ее супруг стал бывать дома все реже. Сначала задержался допоздна, потом не пришел ночевать, потом уехал в командировку без предупреждения... Инга закатила было скандал, но Гена остался невозмутим.

– Тебе вредно волноваться, Инночка, – сказал он. – Не понимаю, что тебя беспокоит? Разве я тебя не обеспечиваю всем необходимым, и даже более того? Неужели ты думаешь,

что все это было бы возможно, не отдавай я все силы работе? Ведь у нас с тобой нормальные, ровные отношения, моя прелесть, у тебя вполне самостоятельная и интересная, как ты говоришь, жизнь. Отчего скандал?

Несмотря на свою погруженность в искусство, о которой любила говорить Эльвира Павловна, Инге трудно было отказать в здравом смысле. В самом деле, отчего ей скандалить? Разве она влюблена в Широбокова, разве вечер не может провести без него? Слава Богу, в связи с беременностью ей больше не надо выбирать с ним на его приемы и улыбаться его, с позволения сказать, коллегам!

Но когда родился Тоша... Нет, Инга не ждала от Гены помощи, но хоть посочувствовать-то он мог бы! Ведь она весь день одна с ребенком, из сил выбивается, ночей не спит, с ума сходит. А он всего-навсего перебрался спать в гостиную, а в ответ на ее жалобы сказал:

– Так пригласи няню. Или тебе денег не хватает?

Легко сказать – няню! Конечно, Инга попыталась это сделать. Но ей катастрофически не везло на нянь, ну просто фатально не везло!

Инга вообще ненавидела хозяйство и не умела его вести. Едва выйдя замуж за Широбокова и перебравшись в его трехкомнатную квартиру, она договорилась с Зинаидой, двадцать лет убиравшейся в доме Ратниковых, что та теперь будет приходить и к ней, по новому адресу. С обедами Инга тоже быстро разобралась – благо, Широбоков обедал в основном в ресторане или в офисе. Она просто выбрала из моря зазывных объявлений одну фирму, предлагавшую вкусные домашние обеды, и время от времени заказывала их на дом. Еще до появления Тоши была куплена немецкая стиральная машина с сушилкой. Впрочем, пользовалась ею все та же Зинаида, это входило в условия договора.

Но найти няню оказалось просто невозможно, несмотря на обилие объявлений во всех газетах. Инге начало казаться, что все женщины без профессии, с неустроенной судьбой и расстроенными нервами подались в няни. По ее звонкам являлись такие дамы, что Инга, при всей ее житейской безалаберности, ни за что не доверила бы ребенка ни одной из них даже для короткой прогулки. Особенно одна была неповторима – с блуждающими глазами, дергающимися руками и испитым лицом, ну вылитая обитательница вытрезвителя!

Правда, однажды мама Эля сосватала ей интеллигентную старушку, но, как выяснилось, та была старой девой и понятия не имела, что надо делать с двухлетним мальчиком.

– Не понимаю, в чем дело! – возмущалась Эльвира Павловна. – Вот Ритулина дочка нашла прекрасную няню, та даже на дачу с ее Давидиком выезжает, и Зося тоже нашла, одна ты не можешь.

Инга и сама не понимала, почему ей попадаются какие-то клинические типы. И все в ее жизни происходит так нелепо... Вот она в толк не могла взять, что привело ее несколько лет назад в дом Широбокова. Но еще большей загадкой было для нее: зачем он-то женился на ней? От большой любви – что-то не похоже: он с самого начала был каким-то бесстрастным, а после рождения Тоши вообще мало стал бывать дома.

Но самое печальное заключалось в том, что Инга понимала: ей в общем-то безразлично, как относится к ней Широбоков, ей неинтересно думать о нем и ждать его, и беспроектная скука все больше охватывает ее...

Иногда Инга с тоской смотрелась в зеркало. Боже, в кого она превратилась! Ведь ей едва за тридцать, она довольно хороша собой, ей всегда говорили, что у нее оригинальная внешность – темно-русые прямые волосы, большие серые глаза почти у самых висков, слегка выступающие скулы... А когда она последний раз была хоть где-нибудь – в мастерской у модного художника, которых прежде знала наперечет, на приличном вернисаже? Да что там у кого-то, она и в своей мастерской не показывалась уже год!

Конечно, Инга не обольщалась насчет своего таланта, но все же – ведь у нее и выставилось кое-что, и продавались картины. А теперь этот вечный страх из-за Тоши, целоднев-

ное одиночество в квартире, которую она так и не сумела сделать уютной, редкие звонки приятелей, с которыми даже встретиться некогда...

Как-то само собою получилось, что, объявив жене о своем отъезде во Францию, Ширококов уже не предложил ей ехать вместе с ним.

– Что тебе там делать, детка? – сказал он с обычной своей невозмутимостью. – Ты и по-французски не говоришь, и знакомых у тебя там нет. Я уверен, ты будешь скучать.

«Можно подумать, здесь мне очень весело», – подумала Инга, но промолчала.

Теперь она уже и сама не была уверена, что хочет ехать с ним куда-то.

– А как же Тоша? – спросила было она. – Ведь мальчику нужен отец.

– Да? – усмехнулся Ширококов. – Я и не отказываюсь от отцовства, если ты заметила. Просто у нас с тобой не сложилось особенной близости, при чем здесь ребенок? Я ведь буду приезжать и непременно навещать вас с Антоном. А жаловаться на мою финансовую неаккуратность у тебя, моя радость, по-моему, нет оснований.

«Как во сне идет моя жизнь, – думала Инга, слушая мужа. – Что происходит между нами, расходимся мы или нет, чувствует ли он ко мне хоть что-нибудь? А я к нему?»

После отъезда Ширококова Инга поняла: еще год-другой, и она опустится на дно, где эта илистая скука, эта обволакивающая лень уже непустят ее.

– Мама! – воскликнула она, позвонив родителям. – Я тебя прошу, найди хоть кого-нибудь! Только чтобы не алкоголичка была и не маньячка, остальное безразлично. Чтобы приходила и сидела с Тошей, особенно вечером, чтобы я хоть куда-то могла выходить! Ведь он уже большой, ему четыре года почти, неужели нельзя никого найти?

Ужас охватывал ее, настоящий ужас! Немедленно сделать что-нибудь со своей жизнью, вырваться из этого болота! Плевать на Ширококова, найдет себе другого, только бы растормошить саму себя, вернуться к нормальному существованию.

– Буду платить сколько попросят, только найди, – решительно сказала Инга. – Иначе выброшусь из окна, – добавила она, чтобы заставить маму искать поактивнее.

И вот тогда-то эти женщины, от которых она прежде шарахалась, стали появляться в ее доме. С нянями ей по-прежнему не везло, но теперь Инга твердо знала: как бы там ни было, а надо соглашаться с тем, что есть, лишь бы не обижали Тошу – за этим она следила, дотошно расспрашивая сына о постоянно сменяющихся няньках.

Иногда она отвозила его на дачу к бабушке и дедушке. Но Элочки надолго не хватало, а папа старался напоследок своего функционерства в разваливающемся Союзе получить как можно больше, и ему тоже было не до внука.

Так прошел год. Инга лихорадочно наверстывала упущенное за время своего странного замужества. Она провела почти месяц в мастерской, написала несколько вполне сносных картинок. Инга давно уже поняла: не так важно, что именно и как изображено на холсте, дело в репутации, а выдать за новое слово в искусстве можно все, что угодно.

Когда натюрморты и пейзаж были готовы, Инга с головой окунулась в прежнюю свою жизнь – с бесконечными посиделками, тусовками, ресторанами и прочими проявлениями богемности, позволявшими ей чувствовать себя весьма интересной дамой. Тем более что банковский счет Ширококова позволял ей не стесняться себя. Ее далекий супруг, вероятно, понял за время недолгой совместной жизни, что при всех своих недостатках Инга не транжира и не станет злоупотреблять его финансовым доверием.

У нее завелся даже любовник, вполне приличный скульптор лет сорока, подающий большие надежды. Правда, Инга никогда не приводила его в квартиру Ширококова. Наверное, давали о себе знать понятия о порядочности, усвоенные в детстве. А может быть, просто неловко было перед Тошей.

Но Тоша, Тоша – чувство вины перед ним мучило ее постоянно! Сейчас, несмотря на то что мальчик уже подросток, Инга чувствовала себя примерно так же, как когда-то, прислушиваясь к его младенческому дыханию и не зная ни минуты покоя.

Что он делает там, дома, с очередной няней – как всегда, сомнительной особой, больше всего на свете любящей болтать по телефону? Какой-то он стал бледный, грустный. Ему пошел шестой год, а он даже букв не знает, и это внук академика! Инга приходила в отчаяние, но ничего не могла поделать. Годы шли, упускать время было нельзя, надо было устроить свою судьбу.

Никто не мог понять, почему не складывается ее жизнь, даже любимый брат Юра.

– Зря ты беспокоишься, Ин, – говорил он, заезжая к сестре и играя со сразу веселящим племянником. – Нормальный пацан, зря только в городе сидит, ты бы его на дачу отправила.

– С кем, Юрочка, с кем? – отчаивалась Инга. – Элечка, конечно, не против, но ведь она через три дня позвонит и скажет, что мальчик заболел, что она не справляется, и мне придется снова забрать его в город. Пойми, я не могу жить с ним на даче, у меня не та жизненная ситуация, чтобы расслабляться!

Юра не возражал. Наверное, он и сам прекрасно понимал: не такое теперь время, чтобы расслабляться... Даже Инга видела, что карьера брата развивается стремительно и блестяще. Едва окончив университет, он окунулся в свой компьютерный бизнес. Правда, Инга сначала не думала, что Юра занят чем-то серьезным. Сидели мальчишки в каком-то подвале на Тверских-Ямских, собирали-разбирали железки. Инга в это время как раз рожала, потом рассталась с Широковым, ей было не до Юриных дел.

И вдруг оказалось, что ее брат, которого она привыкла считать маленьким, хотя он и всего-то двумя годами был моложе, – возглавляет какую-то крупную фирму, ездит за границу на какие-то совещания, приезжает навестить сестру на «Мерседесе»! И даже женитьба в восемнадцать лет ему не помешала. Как незаметно это произошло... Впрочем, Инга уже привыкла к тому, что вся ее жизнь напоминает замедленное кино.

И вот он сидит в гостиной ширококовской квартиры, Тошка собирает на полу привезенный дядей Юрой средневековый замок «Лего», а Инга смотрит на брата и не узнает его. Нет, внешне он не очень изменился. Юрка всегда считался в их семье красавцем: темно-серые, широко поставленные глаза, как у отца и у нее, Инги, твердый подбородок с неожиданной детской ямочкой, волосы то и дело падают на высокий лоб, правая бровь удивленно приподнята, но это всегда у него так, просто из-за шрама – подрался в детстве с деревенским хулиганом.

«Но если бы я писала его портрет, – вдруг подумала Инга, – уже нельзя было бы написать его таким, как пять лет назад».

Взгляд у брата стал другим: жестким, внимательным и недоверчивым. Губы его, бывшие в раннем детстве предметом постоянных насмешек – Юрка, рот закрой, а то ворона влетит! – сомкнуты теперь в твердую линию.

А все-таки он совсем не похож на бизнесмена Широкова. Тот вон приезжал недавно – обрюзг, растолстел как-то, хоть и живет в Европе, где это вроде бы не принято. А Юрочка в отличной форме, и походка такая же, как в пятнадцать лет, – легкая, летящая, чуть вразвалочку. Они любили с соседскими пацанами друг перед другом изображать морских волков, так и осталась походка...

– Зря ты с ума сходишь, Ин, – повторил Юра. – Конечно, времена теперь суровые, но ведь и возможности большие. Все от тебя зависит. Я вот, например, не верю, что невозможно приличную няню найти. Тоже мне проблема! Конечно, эта мымра, что сейчас с ним сидит, никуда не годится. Чтоб пацан в шесть лет читать не умел! Ну так обзвони подруг, маму заставь поискать. Сама же говоришь, нельзя расслабляться.

Инга понимала, что брат прав. Но как объяснить ему, действительно привыкшему, что все в его руках, – как объяснить ему, что ей просто не везет в жизни? Ну бывает ведь такое, во все времена бывает! И с нянями не везет, и с мужем – такая уж судьба...

Юра посидит немного и исчезнет, окунется в свою непонятную жизнь, до Инги ли ему, до Тошки ли! Конечно, если бы с ними, не дай Бог, несчастье случилось, если бы без денег остались, Юра наверняка бы помог. А так – живут ведь как-то.

И вдруг, пару месяцев назад, все переменилось как по мановению волшебной палочки, и Инга впервые за много лет вздохнула свободно...

Глава 3

– Здравствуйте, я к вам от Наташи Успенской. Ведь вам нужна гувернантка для мальчика?

Лиза остановилась на пороге, глядя на хозяйку квартиры, не предлагающую ей войти. Инга Широбокова, о которой говорила ей невестка, оказалась худощавой женщиной лет сорока, со следами былой если не красоты, то оригинальности. Она была одета в узкую черную юбку, засыпанную сигаретным пеплом, и в мягкий серый пуловер. Русые прямые волосы падали на лоб, Инга то и дело отводила их от глаз, рассматривая Лизу. Злой она, во всяком случае, не казалась – уже хорошо.

Из комнаты выглядывал маленький пухлый мальчик – наверняка ее сын Антон.

– Вам нужна гувернантка для мальчика? – повторила Лиза, и Инга наконец кивнула, приглашая ее в прихожую.

Несколько месяцев, прошедших после Германии, показались Лизе вечностью.

Утром она с тоской думала: вот, новый день начинается, надо вставать. Никогда с ней такого не было, раньше каждый новый день казался счастливой загадкой.

Первым не выдержал Николай.

– Лиза, – спросил он однажды вечером, когда уже был выпит чай и все они собирались спать, только Наташа хотела почитать еще что-то перед завтрашней лекцией, – можешь ты нам наконец сказать, что ты все-таки собираешься делать дальше?

– Коля! – укоризненно сказала Наташа. – Разве Лиза ничего не делает? Она очень мне помогает, неужели ты не видишь? И ты, между прочим, каждый день ешь роскошный обед.

– Я не про то, – поморщился Николай. – Пусть живет у нас, разве мне жалко? Я ведь о ней беспокоюсь. Взрослая девка, двадцать один год стукнул – ни профессии, ни перспектив.

Лиза слушала брата опустив глаза. Как назло, именно сегодня позвонила из Новополюцка мама и, чуть не плача, говорила почти то же самое.

– Лизочка, хоть домой уж приезжай, раз там не прижилась, – слышалось в телефонной трубке. – Чего ж теперь сидеть в этой Москве, я думала, может, учиться пойдешь или замуж выйдешь...

Жизнь снова шла по тому же кругу, который казался пройденным год назад. Это состояние – «ни профессии, ни перспектив» – уже и тогда казалось Лизе невыносимым. А теперь, после той жизни, которую увидела она, встречаясь с Виктором, после любви к Арсению, после Германии – снова чувствовать себя девчонкой? Ей казалось, что она готова на все, лишь бы вырваться из этого замкнутой безнадежности...

Поступить в какой-нибудь институт, конечно, было бы хорошо, и мама бы успокоилась. Но Лиза давно уже поняла: ее не тянет ни к одной профессии, для которой необходимо окончить институт. А учиться просто так, лишь бы время провести, она не хотела.

Когда Наташа сказала ей, что какая-то знакомая ищет гувернантку для внука, Лиза встрепенулась. Она уже позвонила не по одному объявлению и убедилась, что всюду нужны солидные рекомендации, которых у нее не было.

Она даже не стала спрашивать Наташу, что представляет собою ее знакомая. В конце концов, это не так уж важно. Лиза была уверена, что найдет общий язык с кем угодно.

И вот перед ней стоит эта Инга в засыпанной пеплом юбке. Смотрит недоверчиво, точно заранее уверена, что Лиза ей не подойдет. Непонятно почему, Лизе показалось, что она уже видела эту женщину – что-то знакомое было в ее лице...

– Пройдите, пожалуйста, в комнату, – протянула Инга, словно нехотя.

Усевшись в глубокое, чуть проваленное, кресло под торшером, Лиза огляделась. Странная комната! Вроде и мебель дорогая, но какая-то вся обтертая. В углу роскошного ковра – вьевшееся пятно: похоже, что там пролили суп.

– Вы курите? – спросила Инга.

– Нет.

– Тогда кофе выпейте. Кажется, еще не остыл.

С этими словами Инга подвинула Лизе одну из чашечек, почему-то стоявших на низком журнальном столике.

– Надо же, я как будто знала, что вы придете, – засмеялась Инга. – Вот и кофе приготовила на двоих! Скажите, а вы действительно работали с ребенком в Германии?

– Да.

Лиза отвечала односложно из-за непонятной растерянности. Странная женщина сидит перед ней! О чем она думает, что скажет в следующую минуту – кажется, она и сама этого не знает.

– Но мама мне говорила, тот мальчик был постарше, чем Тоша?

– Да, он уже учился в школе, – объяснила Лиза. – Но это не так важно, ведь ваш сын тоже скоро пойдет.

– Не знаю. – Инга наморщила лоб. – Он такой болезненный... И читать не умеет до сих пор. Скажите, – она вдруг встрепелась, – а вы могли бы научить Тошу читать?

– А разве это трудно? – осторожно спросила Лиза.

– Нет-нет, не думайте, он вполне нормальный мальчик, – торопливо произнесла Инга. – Просто у меня нет времени, вы понимаете, нет времени на это! – Голос ее почему-то задрожал, она нервно сжала руки, и костяшки ее пальцев побелели. – Я не могу ничего поделать. У меня нет времени для собственного сына, так уж сложилась моя судьба!

Лиза поняла, что сейчас Инга начнет рассказывать о своей судьбе. Неожиданно она почувствовала себя легче. Ничего особенного нет в этой даме, просто нервная, избалованная, но, кажется, неплохая. Может быть, и правда у нее были какие-то особенные трудности в личной жизни, но Лизе не хотелось разговаривать об этом.

Она вообще не любила, когда какой-нибудь случайный сосед по купе начинал изливать душу, заставляя выслушивать свои жалобы и сетования, или бабулька в очереди принималась расспрашивать, замужем ли она да есть ли у нее парень...

– Я думаю, мы с Тошей быстро научимся читать, – сказала Лиза, подмигнув мальчику, который так и не вошел в гостиную, по-прежнему выглядывая из-за двери. – Правда, Тоша? Мальчик смутился и спрятался совсем.

– Кроме того, – продолжала Инга, кажется, уже забыв о Тошином чтении, – мне необходимо, чтобы вы оставались с ним вечерами. Ну, хотя бы два раза в неделю, предположим. Или лучше три, да, три раза в неделю, подходит вам это?

– Подходит, – ответила Лиза. – А днем?

– Конечно, и днем, да-да, и днем, примерно через день, мы это с вами обсудим подробнее, если договоримся. И платить я буду неплохо – вам, вероятно, передали. Вообще-то это муж мой платит, но он сейчас во Франции, он там в длительной командировке, но скоро, вероятно, вернется, вы его непременно увидите.

«Зачем мне видеть ее мужа?» – мельком подумала Лиза.

Впрочем, она уже перестала обращать внимание на большинство Ингиных фраз. Зачем, если та сама забывает, о чем говорила, едва успев договорить до точки?

– Когда мне прийти? – спросила Лиза.

– Завтра! – быстро ответила Инга. – Приходите завтра, и пораньше, пожалуйста, мне надо быть в мастерской с утра, для меня это, знаете ли, лучшие рабочие часы, ведь я художница, вам передали?

– Я приду к девяти, – сказала Лиза, вставая. – До завтра, Инга Владимировна.

– Вы можете называть меня просто Инга. Неужели я кажусь такой старой, что вам хочется называть меня по отчеству? А мне, между прочим, всего тридцать пять!

«Я думала, больше, – про себя удивилась Лиза. – Впрочем, какая разница?»

– Вот вы выглядите очень молодо, – болтала Инга, провожая ее до двери. – Ведь вам всего двадцать один год, правда? У вас вся жизнь впереди, вас Лиза зовут? Извините, я не спросила, но мне Элочка уже говорила, что вас зовут Лизой, по-моему, прелестное имя!

Лиза едва дождалась, когда Инга захлопнет дверь. Хорошо, что ей придется общаться с мальчиком, а не с мамашей! Но главное, теперь она сможет снять квартиру – нет, пожалуй, все-таки не квартиру, а комнату в коммуналке.

Так переменялась жизнь Инги Широбоковой и ее сына Тоши.

Снять комнату Лизе удалось не сразу. Во-первых, выяснилось, что деньги Инга будет платить раз в две недели, и, значит, придется подождать. Во-вторых, не так уж это оказалось легко – найти комнату в нормальной коммуналке, тем более что Лиза не хотела посвящать в свои планы Колю и Наташу.

Она методично обзванивала все объявления, вычитанные в газете, приходила посмотреть – и ужасалась. Господи, неужели можно жить в этих мрачных трущобах, и это называется «просторная комната в центре»! То воды горячей нет, то вообще нет ванной, с потолка течет, сыро... Лиза представить себе не могла, что в Москве существует подобное жилье. Конечно, можно было обратиться в агентство, но там требовали плату за полгода вперед, да еще комиссионные за услуги. И Лиза продолжала искать сама.

Наконец какая-то сердобольная старушка, пытавшаяся сдать смежную комнату в обмен на уход за собою, посоветовала Лизе съездить на Банный переулок.

– Уж там-то найдешь, детка, – убежденно говорила она. – Туда все ходят, кого только нету.

Заплеванный закоулок неподалеку от грязного здания бань испугал Лизу не меньше, чем мрачные комнаты в старых домах. Какие-то небритые мужчины подходили к ней, предлагая:

– У меня живи, зачем тебе комнату снимать? Мы с тобой сживемся...

Лизе казалось, что она многое повидала за те два года, что прошли после Новополюцка, но сейчас она чувствовала себя совершенно беспомощной. Толпа людей, глаза у всех то испуганные, то хитрые, то печальные, то злые, то просто усталые... Неужели здесь можно что-то найти?

– Квартиру ищите, девушка? – неожиданно услышала она.

– Да. – Лиза обернулась на этот спокойный голос.

Перед ней стояла немолодая женщина – как раз из тех, что с усталыми глазами. Одетая она была не бедно, но без роскоши и, по крайней мере, аккуратно; это сразу расположило к ней Лизу. Женщина была чем-то похожа на ее маму – с той же печатью постоянной заботы на лице.

– Вам квартира нужна или комната? – спросила она.

– Вообще-то комната, на квартиру просто денег не хватит, – объяснила Лиза. – А вы что, сдаете?

– Сдаю. В самом центре комната, в Газетном переулке.

Сердце у Лизы забило быстрее. Конечно, эта комната наверняка немногим лучше тех, что она уже видела, но не может же такая домашняя, спокойная женщина быть содержательницей какого-нибудь притона!

Женщина представилась Тамарой Сергеевной.

– Вы понимаете, – рассказывала она по дороге, – у нас так сложились обстоятельства. Ирочка – это моя дочка, Ирочка, – вышла замуж, и, конечно, молодые хотели жить отдельно от нас. Мы-то давно уже в Митино живем, квартиру там получили с мужем двухкомнатную, а Ирочка хоть и с нами жила, да была прописана в Газетном, чтоб комнату сохранить. И вот вышла она замуж, мы ремонт сделали, чтобы им там чистенько было. А они – Господи, что делать! – пожили три месяца, и все. Говорят, не сошлись характерами... Разве можно так, надо же раньше думать, а потом жениться, правда?

Тамара Сергеевна смотрела на Лизу, словно ожидая подтверждения своим словам, но Лиза молчала.

«Странно, – думала она, – почему это такие женщины считают меня просто-таки своей ровесницей да еще ждут, что я сейчас начну осуждать беспутную молодежь? Неужели я выгляжу так положительно?»

– Вот, решили комнату сдать. Раньше-то мы боялись сдавать, мало ли кто попадется, сейчас люди такие стали, не приведи Бог, комнаты лишишься. А сейчас нам деньги нужны: Ирочка-то у нас беременная...

Все это было Лизе не слишком интересно, но слова Тамары Сергеевны успокаивали ее. Похоже, хозяева нормальные люди и обстоятельства у них нормальные.

Они вошли во мрачную арку через чугунные ворота, прошли через двор. Лифт не работал, и на четвертый этаж пришлось подниматься пешком.

– Это часто так, – объяснила Тамара Сергеевна. – Мы потому молодого кого-нибудь искали, не гонять же стариков наверх, правда?

В длинном коммунальном коридоре было полутемно.

– Лампочку никак не заменим, – снова объяснила хозяйка. – Вроде видно, ну и ладно, почему мы должны менять, раз не живем, пусть соседи.

– А много соседей? – поинтересовалась Лиза.

– Да комнат-то много, но почти все давно переехали. Вот, как и мы, в Митино там или еще куда по окраинам. Здесь прописан кто-нибудь, а жить не живут – ждут, может, фирма дом купит, квартиры будут давать. Кому сейчас охота в коммуналке жить, хоть бы и в центре... Семья одна живет без детей, Ольга живет Воронцова – и все. Вы будете четвертая.

Комната действительно оказалась чистой. Видно было, что ремонт сделали совсем недавно. Диван, письменный стол, платяной шкаф – больше мебели не было.

– Мы все-таки не слишком много здесь оставили, – сказала Тамара Сергеевна с некоторым смущением. – Вы же понимаете, лишней мебели у нас нету, раз Ирочка здесь не живет...

– Вполне достаточно, – успокоила ее Лиза.

Кухня разительно отличалась от комнаты: грязь, уже знакомая по другим подобным квартирам, невытая посуда на чужом столе.

– А вот ваш стол, – показала хозяйка. – Он-то чистый все-таки...

Они вернулись в комнату. Лиза подошла к окну: кремлевские башни видны были невдалеке. Нет, все-таки неважно, какая здесь кухня, разве она собирается готовить для себя что-то особенное?

Самой большой удачей оказалось то, что хозяйку не смутила Лизина временная прописка. Тамара Сергеевна внимательно изучила ее паспорт и вздохнула:

– Что ж, с постоянной, конечно, было бы лучше, но вы производите такое хорошее впечатление. И потом, ведь вы не лицо кавказской национальности, едва ли вас станут проверять милиционеры...

О цене тоже договорились быстро.

– Можете хоть завтра переезжать, – сказала хозяйка. – Ключ я вам дам, как только заплатите за первый месяц, и живите себе на здоровье. Только белье постельное возьмите свое. У нас, знаете, не избыток...

Инга заплатила на следующий день. Лицо у нее было довольное.

– Ты себе не представляешь, Лиза, – сказала она. – Впервые в жизни я не волнуюсь за Тошу! Посмотри, ребенка не узнать, он стал такой веселенький, не плачет, когда я ухожу. Неужели мне наконец повезло?

Лизе действительно легко было с малышом. Он оказался покладистым, спокойным и умненьким, даже странно было, почему его до сих пор не научили читать. Слушать, как читала Лиза, он готов был часами, и самой большой его мечтой было – научиться читать самому.

Но общение с Ингой угнетало. Безалаберность, легкомыслие этой женщины утомляли Лизу, хотя она давно уже поняла, что нет никакого смысла осуждать людей за то, что они такие, как есть, а не такие, какими их хотелось бы видеть. Ей часто вспоминались слова Виктора: не надо ждать от людей больше, чем они могут дать...

Но часами выслушивать Ингины откровения, изливаемые под крепкий кофе с ликером и сигаретами, казалось Лизе невыносимым.

– Ну подумай сама, что у меня за жизнь? – начинала Инга, вернувшись откуда-нибудь и едва присев в кресло в гостиной. – Зачем я вышла замуж за Широбокова – ума не приложу. Ты ведь домой не торопишься? Так, стабильности хотелось, ведь ты вспомни, какое тогда время было, ужас! У папы карьера пошатнулась, все растерялись, как тут было не схватиться за соломинку? И потом, мне казалось: бизнесмен, солидный, ему нужна солидная семья, чтобы жена была приличная и интеллигентная, не какая-нибудь... А ты бы видела его коллег, этих... Слов нет! Я все-таки не понимаю: вот наш Юра – это моего брата Юрой зовут, я тебе говорила? – он ведь тоже в бизнесе, он очень большая фигура, в него даже стреляли, ты представляешь, а ведь стреляют только в самых важных, да? Так вот, он совсем другой. Он такой интеллигентный, веселый, живет как-то понятно, как все нормальные люди живут. А мой Широбоков – что ему надо, что он за человек, не понимаю...

Лизе становилось тоскливо. Она не знала, что за человек бизнесмен Широбоков, и ее это совершенно не интересовало. Уже за то можно было посочувствовать, что в жены ему досталась Инга...

– А Слава, конечно, хороший любовник, но разве можно с ним жить? – продолжала Инга. – У него всякие завихрения, я понимаю, он человек искусства, но ведь мне надо думать о ребенке, о его будущем.

Слова Инги сливались в одну бесконечную фразу, и Лиза ждала одного: когда эта фраза завершится. Какой-то Слава, мысли о ребенке – кто бы говорил!..

Но платила Инга исправно, и Лизе не хотелось с ней ссориться. Где найдет она такую работу – необременительную и за приличные деньги? Только иногда, вечерами, в тусклом свете одинокой лампочки, одолевали ее невыносимые мысли: это и есть ее жизнь, и об этом она мечтала – коммуналка с вонючим коридором, взбалмошная барыня как единственная опора, а впереди?..

Только теперь, с головой окунувшись в самостоятельную жизнь, Лиза поняла, что имел в виду Виктор, когда говорил в день их расставания: «Учтите, Лизонька, убогая жизнь не для вас».

Нет, ей не хотелось побольше денег – как выяснилось, для себя ей нужно было немного; ее не манили сверкающие витрины на Тверской и дорогие автомобили. Не раз и не два она с благодарностью вспоминала Виктора, впервые показавшего ей роскошь этих ресторанов и машин как нечто само собою разумеющееся – как будто для того, чтобы никогда больше не стали они для нее целью жизни. Но однообразие, но беспросветность – вот что было невыносимо!

Однажды пришло письмо из Италии. Розали, кельнская подружка, напоминала обещание приехать в Милан. Лиза едва не заплакала, прочитав торопливые и веселые строки. Господи, неужели все это было: Кельн, Бетховенский парк, Розы... И ведь правда казалось тогда, что Милан – где-то неподалеку, и ничего не стоило собраться и махнуть туда – просто так, посмотреть музеи и навестить подружку.

Конечно, можно было накопить денег, у Коли занять – и поехать туда сейчас. Но Лиза ясно ощущала: из той жизни, которою она живет теперь, не ездят никуда, и дело вовсе не в деньгах...

Первое время она почти не встречалась с соседями. Даже странно, ведь их, Тамара Сергеевна говорила, было не меньше трех? Но за обшарпанными дверями комнат в бесконечном коридоре было тихо, на кухне тоже никто не появлялся. Лизе даже страшновато становилось по ночам: одна в огромной пустой квартире, да и весь этот мрачный старый дом кажется пустым...

Ольга Воронцова появилась через неделю. Однажды утром Лиза услышала, как кто-то включил воду в ванной, потом простучали каблучки в коридоре, зашелестела бумага на кухне. Она торопливо оделась и вышла из комнаты.

На кухне у стола с заплесневевшей посудой стояла молодая женщина – кажется, чуть постарше Лизы – и разворачивала что-то, завернутое в засаленную газету. Она была довольно красива, но Лиза тут же отметила про себя, что таких женщин она не видала с новополоцких времен. Слишком уж вульгарно была накрашена соседка, слишком небрежно одета – темные потные круги виднелись под мышками, темнели корни отросших, крашенных в бело-желтый цвет волос.

– Жарища какая, – сказала соседка, оборачиваясь на звук Лизины шагов. – Жарища, пылища, а только еще май начался! Ты, наверно, жиличка, в Иркиной комнате живешь? Тебя как звать? – И, не дожидаясь ответа, представилась сама: – А я Ольга, соседка.

– Да, мне Тамара Сергеевна говорила, – сказала Лиза. – Только я не знала, куда ты девалась. Меня Лизой зовут.

– Да были дела кое-какие, – неопределенно повела плечами Ольга. – Отдохнула недельку... Сейчас к начальству пойду объясняться – откроют рот. Я ведь дворничихой тут, – объяснила она. – А ты ничего... – Ольга окинула Лизу оценивающим взглядом. – Юбочка какая... Где купила?

– Так, портной один сшил знакомый, – ответила Лиза.

Не объяснять же Ольге, что юбку шили в доме моделей самого Никиты Орлова.

– Ладно, потом поговорим, – сказала Ольга. – Тороплюсь сейчас. Я вечером дома буду. Слушай, – неожиданно спросила она, – а пива у тебя нет?

– Нет, – ответила Лиза, слегка удивившись.

– Башка болит-отваливается, – объяснила Ольга. – Ринат, сволочь, сэкономил на водке, взял дряни какой-то паленой, а я мучайся теперь. Ну ладно, до вечера!

И, торопливо вытерев руки о газету, она вышла из кухни.

«Такая, значит, соседка, – подумала Лиза. – Что ж, выбрать не приходится».

Лиза вернулась к себе в комнату, присела у стола. На столе лежала открытая косметичка, и Лиза машинально достала из нее зеркальце.

Никогда прежде она не рассматривала себя с такой безнадежностью. Нет, она не казалась самой себе ни постаревшей, ни подурневшей – странно было бы, если бы такие мысли посещали ее в двадцать один год. Ее зеленые глаза были все так же широко открыты, и взгляд по-прежнему казался удивленным – хотя мало что могло бы удивить ее теперь. И легкие светло-пепельные волосы, свивающиеся в прозрачные завитки, по-прежнему придавали ей сходство с бабочкой, присевшей на цветок.

Но выражение ее лица совсем переменялось. Оно больше не светилось тем ожиданием неотменимого счастья, которое так восхищало Виктора всего два года назад. Печалью веяло от Лизино лица, и печаль эта казалась особенно необъяснимой в сочетании с ее юностью.

Лиза тряхнула головой, отложила зеркальце. Пора к Инге: сегодня та намеревалась уехать на целый день. Что ж, тем лучше, каждый час чего-то ведь стоит. И, по правде говоря, лучше уж сидеть с Антошкой в запущенной Ингиной квартире, чем бродить по городу в одиночестве или прислушиваться из своей комнаты, не пришла ли соседка.

Лиза вернулась, когда Ольга уже была дома: из-под дверей ее комнаты выбивалась полоска света, оттуда раздавался смех и шум.

– Пришла? – Ольга выглянула в коридор, услышав Лизины шаги. – Заходи, у меня гости, посидим.

– Да я устала сегодня, – попробовала отказаться Лиза.

Ей совсем не хотелось сидеть с Ольгиными гостями.

– Да брось ты – устала! Я, думаешь, не устала? Намахалась метлой, да еще металл пришлось грузить. Надо ж и расслабиться, не все нам вкалывать! Нам с тобой дружить надо, мы тут одни теперь живем, Загорецкие-то переехали.

– Ладно, я зайду, – сказала Лиза. – Переоденусь только.

В Ольгиной комнате было так накурено, что Лиза, никогда не обращавшая внимания на сигаретный дым, чуть не закашлялась. Вокруг стола, заставленного бутылками и мисками с едой, сидели двое мужчин. Лиза не сразу рассмотрела их в синем чаду.

– А, соседка! – сказал один из них, увидев ее. – Проходи, не стесняйся, мы люди простые. Пить что будешь? Вино есть, водка.

– Вино, – ответила Лиза, садясь.

«Зачем я пришла? – подумала она. – Теперь придется посидеть, не убежать же».

Ольга, похоже, уже выпила не один стакан. Ее блекло-голубые глаза с подведенными зелеными стрелками подернулись поволокой, она то и дело хохотала, отстраняясь от мужчины, предложившего Лизе выпить.

– Пашка, не лапай, а то Ринат заревнует!

– Да че ты, Оль, не убудет же, сдурел он, что ли, ревновать! – убеждал Пашка, пощипывая ее округлую попку, обтянутую кожаной юбкой. – Правда, Ринат?

– Чего, вон, девушка подумает? – хихикала Ольга. – Да ты садись, Лиза, не обращай на него внимания.

– А чего ей думать? Нормально сидим, и она с нами сядет. Выпей, Лиза, закуси – реди-сочка есть, рыба хорошая.

Неожиданно Лизе захотелось выпить: просто невозможно было сидеть здесь на трезвую голову. Она отхлебнула из стакана, подвинутого Пашкой, – вино оказалось дешевым портвейном. Но голова закружилась сразу, и уже не так противно было смотреть, как тискает Ольгу один из ее гостей.

Второй гость, напротив которого оказалась за столом Лиза, был гораздо моложе потрепанного Пашки. Пожалуй, он был даже красив, этот Ринат. На вид ему было лет двадцать пять, у него было смуглое лицо, черные глаза и черные прямые волосы, как у индейца из американского фильма. Он прищурился, затягиваясь сигаретой, и внимательно смотрел на Лизу. Конечно, он тоже был пьян, но взгляд у него оставался живым, глаза поблескивали.

– Вас Лиза зовут? – спросил он, и Лиза даже вздрогнула, услышав его «вы». – Вы что, тоже дворничихой работать будете?

– Да она комнату Иркину снимает, – ответила за Лизу Ольга. – А ты что, уже глаз положил? Смотри у меня!

– А сами где работаете? – продолжал расспрашивать Ринат, не обращая внимания на Ольгины слова.

Лиза объяснила, где работает. Язык у нее уже слегка заплетался: она давно не пила да к тому же действительно устала, целый день проведя с Тошкой.

– А он носильщиком работает на Курском, – объяснил Пашка. – Там все ихние, татары. А мы с Ольгой тут дворняжим, вот и познакомились, а, Лиза?

Он подмигнул Лизе, но каждое движение уже давалось ему с трудом: видно, давно сидели. Словно в подтверждение Лизиной догадки, Пашка пробормотал:

– Тебе бы раньше прийти-то, а сейчас мы, понятно, ослабли... Может, Оль, спать ляжем? Допьем, что есть, и ляжем?

– С тобой, что ли? – Ольга снова хохотнула. – Я с Ринатиком лягу, чего мне с тобой. Лизу вон уговаривай!

Несмотря на старание держаться, Ольга тоже казалась уставшей. Голова ее то и дело падала на плечо Пашке, и, пытаясь взбодриться, Ольга опрокидывала стакан за стаканом.

– Ты, Лиз, не обращай внимания, это мы похмеляемся, – пробормотала она. – Мы ж неделю гуляли у Ринатика, ясное дело, устали. Вот выспимся сего-дня – и будем завтра как огурчики, да, Ринатик? Иди ко мне, мой хоро-ошенький!..

Но Ринат не собирался к засыпающей Ольге. Он смотрел только на Лизу, и она отводила глаза: слишком уж откровенным был его взгляд.

Но отделаться от Ольги было, видимо, не так-то просто. Она встала, пошатываясь, обошла стол и села на колени к Ринату.

– Ты на меня смотри, на меня, чего на чужую девку смотришь? – прошептала она страстно и похотливо. – Пускай она идет, сейчас Пашку в загорецкую комнату вынесем...

Прижавшись к Ринату распирающей кофточку грудью, Ольга заерзала у него на коленях – то ли пытаясь разгорячить его, то ли от собственного нетерпения. Не отводя глаз от Лизы, Ринат начал расстегивать Ольгину блузку; движения его были неторопливыми и властными.

Лиза встала и, не прощаясь, пошла к двери. Да и с кем было прощаться? Пашка уже спал, уронив голову на стол, Ольга была занята Ринатом, а ловить на себе его взгляд, раздевающий ее так же, как руки раздевали Ольгу, Лизе было противно.

Она вышла в полутемный коридор, притворила за собой дверь и зашла в ванную. Холодная вода освежила ее, но сразу заболела голова. Слишком уж дешевый был портвейн, даже утра ждать не пришлось. Она с трудом дошла до своей комнаты, повернула ключ изнутри, упала на постель. Сон сморил ее сразу, несмотря на головную боль. Последним вялым движением Лиза стянула с себя платье, бросила на стул.

Какие-то длинные водоросли снились ей, они липли к лицу, цеплялись за руки, Лиза сбрасывала их с себя, но водорослей было так много, что невозможно было избавиться от них...

Ее разбудил стук в дверь, неожиданный и осторожный. С трудом вынырнув из липкого сна, не понимая, в чем дело, Лиза вскочила с дивана и, даже не набросив халат, открыла дверь.

Ринат обнял ее прямо на пороге, одной рукой сжимая Лизину талию, другой поворачивая ключ в замке.

– Кто это, ты что? – вскрикнула Лиза, пытаясь освободиться из его крепких рук.

– Не кричи ты, не бойся, я это, – прошептал он – так, словно Лиза ждала его. – Не кричи только, ну пойдем, пойдем же...

Лиза уперлась руками в его грудь, но вырваться ей не удалось. Словно вальсируя, Ринат провел ее через всю комнату и повалил на постель.

Рубашка его была расстегнута, и Лиза почувствовала прикосновение жестких волос на его груди. В нее вжималось его мускулистое тело, его губы жадно искали ее губ... Она отворачивалась, пыталась оттолкнуть его, задышалась в его частом дыхании – и неожиданно обмякла, перестала сопротивляться...

Она сама не понимала, как это вдруг произошло и почему. Всем телом своим она почувствовала, какой он крепкий: мускулы его подрагивали, весь он изогнулся, вжимаясь в нее.

Неожиданно Лиза поняла: она не хочет сопротивляться ему, ей передается его нетерпеливая страсть, ей хочется, просто бешено хочется ощутить в себе это напряженное тело. Весь он был такой же властный, как его губы...

Больше года прошло с тех пор, как она ушла от Арсения, первого и единственного своего любовника, и с тех пор ни один мужчина не поцеловал ее, не говоря уже о большем. И вот теперь все ее тело задрожало в объятиях этого случайного мужчины, вошедшего ночью...

Лиза не заметила, когда Ринат успел снять рубашку, сбросить брюки. Он скользнул к ней в постель как-то мгновенно. Раздвинул ее ноги, быстро опустил вниз руку – и Лиза застонала, почувствовав торопливое прикосновение его гибких пальцев.

Впрочем, он не терял времени на ласки: обхватил Лизины плечи, приподнялся – и ей показалось, что он обрушился на нее сверху, потом задвигался размеренно и ровно. В глазах у нее потемнело, она приподнялась ему навстречу, вжалась в него снизу и изогнулась под ним, едва сдерживая вскрики.

Наслаждение пришло к ней почти мгновенно; Ринат еще двигался, пронзая ее тело собою, потом и он задрожал, потом грузно опустился на нее, вдавил в постель.

Лиза не могла прийти в себя после всего, что произошло так стремительно. За окном уже светало – она не знала, сколько времени спала до его прихода, – и в предраассветных сумерках Лиза видела его профиль на подушке: Ринат уже лежал рядом с нею. От него сильно пахло водкой, но, как ни странно, он совсем не казался пьяным.

– Хорошо... – выдохнул он. – Ох и сладко же, давно так не было с бабой. А ты, видно, давно без мужика?

Лиза не ответила. Ей стыдно было смотреть в его сторону, она едва не плакала. Она с удовольствием выставила бы его за дверь, но как теперь это сделать – после того, как сама отдалась ему? Скорее бы он ушел или хотя бы замолчал!

– Я у тебя dospлю, – вдруг пробормотал Ринат. – Там Пашка наблевал, Ольга спит, я у тебя dospлю...

Этого только не хватало! Лиза затрясла его за плечо, но Ринат уже отвернулся к стене и захрапел, не дожидаясь ее разрешения.

Лиза быстро соскользнула с дивана, набросила халат. Отвращение к нему, к себе, ко всему на свете охватило ее.

«Господи, да как же это могло произойти со мной! – мелькало в голове. – Совершенно незнакомый человек, да я и думать о нем не думала, как же это?»

И это пронзительное, животное какое-то удовольствие... Неожиданная мысль поразила ее, заставила вздрогнуть: а ведь он всего несколько часов назад был с Ольгой, даже в ванную, наверное, не зашел после этого... Лиза вскочила, бросилась из комнаты. Струи горячей воды обрушились на нее, она терлась мочалкой с таким остервенением, как будто собиралась смыть собственную кожу.

Душ немного успокоил ее. Вернувшись в комнату, Лиза взглянула на спящего Рината без прежнего содрогания. В конце концов, при чем здесь он? Он просто пришел к понравившейся женщине, как сделал бы любой мужчина, живущий так, как живет он. И женщина пустила его к себе в постель, как пускала его к себе Ольга, и все произошло так, как он и ожидал.

«Это я опустилась в такое убожество, что дальше некуда», – подумала Лиза.

Зачем было приложено столько усилий, зачем было уезжать из Новополоцка? Чтобы здесь, в Москве, жить той жизнью, какой живут на самом дне, в сизом сигаретном дыму, в запахах водки и потного тела, в тусклых коммунальных коридорах заброшенной квартиры?..

Неужели это она, Лиза, сидела с Виктором в директорской ложе Большого, читала Флобера в тишине комнаты на Воротниковском, ожидая, когда придет с работы Арсений? А уж Германия, поездка в Шлезвиг с влюбленным Паулем – это вообще невозможно было представить...

Лиза взглянула на часы: половина восьмого. Она достала из чемодана нераспечатанную пачку французских таблеток. Их однажды подарила Розали, потрясенная рассказом о Лизином аборте. Лиза выпила таблетку, удивляясь собственному спокойствию, – точно аспирин приняла.

Она надела платье, собираясь уходить. Ринат по-прежнему храпел в ее постели. Известно, когда он проснется, но не останется же здесь, дожидаясь этого! Было воскресенье, Инга не ждала ее сегодня, и Лиза решила поехать к брату. Только там, в уютной квартире, среди любящих ее людей, она вспоминала, что существует другая жизнь...

Но не успела она дойти до порога комнаты, как дверь сама распахнулась ей навстречу. Ольга, полуодетая, с черными пятнами туши под глазами, ворвалась в комнату как вихрь.

– Ты-ы! – закричала она. – Сука, стерва, парня моего вздумала отбивать?!

С этими словами она вцепилась Лизе в волосы, одновременно выталкивая ее в коридор. Лиза настолько не ожидала появления Ольги, что не успела даже отшатнуться от нее.

– С ума ты сошла, что ты делаешь?! – вскрикнула она, пытаясь освободиться из цепких Ольгиных рук.

– Я с ума сошла? Нет, вы гляньте на эту блядь, я же еще с ума сошла! У кого он в койке спит, а?! Думаешь, я выпила, так теперь все можно?! Я тебе, паскуде, волосенки-то повырву!

Наверное, Лиза не смогла бы избавиться от разъяренной Ринатовой возлюбленной, действительно рвавшей ее волосы, если бы не его собственное неожиданное вмешательство. Ольгин визг способен был разбудить мертвого, и Ринат вскочил, точно подброшенный пружиной. Одним прыжком он оказался рядом с женщинами и быстрым, коротким ударом отбросил Ольгу от Лизы.

– Взбесилась, сучка?! – крикнул он. – Мало тебе? Кто тебя сюда звал, твое какое дело, с кем я сплю?

От его удара Ольга отлетела к стене, сползла на пол, зажимая рукой подбитый глаз.

– Ты чего, Ринатик, чего? – заплакала она. – Или тебе меня мало, чего ты к ней побежал? Хочешь, хоть сейчас можешь трахнуть, хоть сейчас!

Это зрелище – униженная женщина, ползающая у ног разгневанного мужчины, – так потрясло Лизу, что, не помня себя, не оглядываясь, она побежала по коридору к входной двери. Вслед ей неслись Ольгины рыдания.

Глава 4

Лиза долго бродила по городу, прежде чем поехать к Николаю в Крылатское. Она не могла прийти в себя, в ушах стоял Ольгин пронзительный визг, перед глазами – злобно прищуренные Ринатовы глаза, его мускулистая рука, готовая к новому удару...

«Я во всем виновата, только я! – думала она. – Как можно было допустить все это? Еще внимание на него обратила – „вы“ он, видите ли, говорил... Сама раззадорила его, права Ольга, что на меня набросилась!»

Лиза медленно шла по Страстному бульвару. Первая прозрачная зелень клубилась в теплом воздухе, воскресная, поздно просыпающаяся Москва начинала новый день.

«Отчего меня так манил этот город? – думала Лиза, остановившись у детской площадки. – Ведь всегда тянуло меня сюда: из Новополюцка, из Германии... Особенно из Германии, хотя я ведь знала, что никто не ждет меня здесь, что нет здесь у меня ничего прочного, реального. Почему же?»

Вечером, сидя за чаем на кухне у Николая с Наташей, Лиза с тоской думала о том, что придется вернуться в комнату в Газетном переулке. Кажется, все заметили, что она чем-то расстроена.

– Слушай, Лизушка, может, все-таки обратно к нам переберешься? – спросил Николай. – Ну, подумаешь, центр! Крылатское тоже район хороший. Неужели тебе у нас так плохо, что тебя в какую-то коммуналку тянет?

– Правда, Лизочка, – подхватила Наташа, – разве у нас тебе не нравится?

– Вы не понимаете, – авторитетно заявил десятилетний Андрюшка. – Ей хочется самостоятельности, и я вполне ее понимаю. Мне тоже хочется.

Лиза улыбнулась привычному Андрюшкиному резонерству. Все было по-прежнему в этом уютном доме...

– Я сегодня у вас переночую, – сказала она. – Не хочется ехать на ночь глядя.

Но вернуться в ненавистную квартиру было необходимо. Не убежать же, бросив все, ведь она даже комнату свою не закрыла, все вещи там. Да и вообще: не по ней это – жить у Коли, точно подростку, ведь ей не просто хочется самостоятельности, как Андрюшке, она уже давно другая, совсем не та, что приехала в Москву два с лишним года назад...

Лиза поехала в Газетный прямо от Инги – благо, та жила неподалеку, на Маяковке. Она постаралась незаметно проскользнуть по коридору к себе в комнату. Кажется, Ольги не было дома, свет не пробивался из-под ее двери.

В комнате все было на месте. Вид измятой постели заставил Лизу покраснеть. Она торопливо скрутила постельное белье, бросила на пол.

Дверь открылась так тихо, что Лиза увидела Ольгу, когда та была уже в комнате. Отшатнувшись в угол, она смотрела на соседку.

– Что, боишься? – невесело усмехнулась Ольга. – Не бойся, нападать больше не буду.

Вид у Ольги был ужасный: правый глаз совсем заплаыл, губа рассечена. Наверное, Ринат не ограничился одним ударом.

– Ну, чего смотришь? – зло спросила она, поймав сочувствующий Лизин взгляд. – Конечно, разукрасил, не без этого. Они, татары, все такие яростные. Не любят, чтоб против ихнего делали.

Не дожидаясь Лизиного приглашения, Ольга села на стул, охнула:

– Чуть ребро не сломал, сволочь!

– Зачем же ты с ним, Оля? – осторожно спросила Лиза.

Впрочем, она уже знала, какой услышит ответ. С самого детства она наслушалась рассказов матери о несложившихся женских судьбах, нагляделась на растрепанных, рыдающих соседок, среди ночи выбегающих на улицу под пьяный мат супругов. Все эти женщины на следующий день со вздохом говорили: что ж, куда денешься, все они такие, где ж лучшего найти, а мой хоть получку приносит...

– Зачем, зачем... – ответила Ольга, потирая бок. – Люблю его, вот тебе и зачем!

Это было сказано так по-детски, что Лиза едва не заплакала. Можно уйти от человека, с которым связывает привычка, можно уйти от того, кто приносит получку, но как оставить того, кого любишь?

– А он что, всегда такой? – спросила она.

– Да нет же, что я, дура – если б он всегда такой был!.. Только как выпьет или как бабу новую увидит.

– И часто пьет? – Лиза едва сдержала улыбку.

Ольга не ответила. Взгляд у нее был совсем потухший, уголки блеклых, ненакрашенных губ горестно опустились.

– Господи, ну что за жизнь у меня такая горемычная? – вдруг запричитала она, как простая деревенская баба. – Никак мне счастья нету, куда ни кинься!

Она упала головой на стол и зарыдала – громко, со всхлипами. Лиза растерянно смотрела на нее. Чем тут утетишь? Вдруг, так же мгновенно, как начала, Ольга прекратила рыдать и биться, вытерла слезы ладонью.

– Думаешь, я психопатка? – спросила она. – Просто жизнь нервная была. А он – моя первая любовь, – сказала она все с той же полудетской серьезностью. – А что ты думаешь? Конечно, мне не шестнадцать, и замуж сходила, и ребенок имеется, а Ринатка – первая любовь, вот хоть убей!

Ольга достала из кармана сигареты, закурила, стряхнула пепел в стоящую на столе чашку.

– Не куришь? – спросила она. – Да ты садись, чего стоишь?

Лиза послушно опустилась на диван, понимая, что никуда не деться от долгого рассказа.

– Ты не обижайся, что я на тебя накинулась, – примирительным тоном произнесла Ольга. – Я ж понимаю, ты не виновата, он на все бросается, что только шевелится. Такой парень ебучий, жуть! И как мне его не любить? Он хоть трахает – и видно, что хочет. А другие – только выпить, ничего им больше не надо. А Ринатка – он добрый вообще-то и не жадный: духи подарил, в кафе водил однажды. Так-то, конечно, с собой приносит, а однажды водил. Я ведь не старуха, мне двадцать семь всего, тоже ласки хочется. Шесть лет лимитой на заводе отпахать – это как? Шесть девок в комнате, каждая мужиков водит, на каждой койке сопят – сдуреешь! И никто тебя за человека не считает, чуть что не так – каждому давай. А комендант – так тот просто повадился, если и все так, все равно требует. А то, говорит, вылетишь у меня в два счета из Москвы, напишу, что ты наркоманка. Замуж вышла, думала, теперь отвяжутся. Так нет, куда там, сам же законный супруг, если на ночевку записывать не хотят, говорит: пойдя, дай коменданту – запишет.

– Как это – на ночевку записывать? – спросила Лиза.

– Ну, как, очень просто: женское ведь общежитие. Спасибо еще, ребенка разрешают держать. А если муж хочет на ночевку остаться, за две недели надо записываться, и очередь еще. Все ведь хотят, а общага не резиновая.

«Господи, какой кошмар! – подумала Лиза. – Да как же можно так жить? И зачем?»

– Но ведь это твой муж! – воскликнула она. – И ребенок, говоришь, у вас. Как же можно, чтобы кто-то мужа на ночевку записывал? И что же, он тоже это терпел?

– А чего ему? – равнодушно произнесла Ольга. – Ему еще и лучше, алкашу. У него так и так не стоит, чего ему лишний раз залупаться с комендантом?

– А теперь он где?

– Сидит, – ответила Ольга. – Ножом пырнул одного по пьянке, теперь сидит – туда ему и дорога.

– А ребенок?

– У матери, во Мценске. Знаешь такой город?

– Знаю. Леди Макбет Мценского уезда...

– Кто?

– Да никто, так просто. Почему же ты ребенка сюда не заберешь?

– Ой, ну куда мне еще ребенка брать? Я и так Бога молю, что прописку себе вырвала наконец, думаешь, само собой это далось? Еще и ребенка... Как прописку постоянную в паспорт поставили – все, в тот же день с завода ушла, дворничихой вот устроилась, комнату получила. Теперь, если пятнадцать лет отработаю, комната моя будет считаться, пока что служебная. Я вот думаю, если с Ринатом сладится у меня, может, и заберу Витьку. Я ж, конечно, скучаю, а он вроде к детям ничего, нормально...

Страшная, беспросветная жизнь подступила Лизе, казалось, к самому горлу. Пятнадцать лет работать за убогую комнату, терпеть издевательства мужчины, которого любишь, жить в разлуке с сыном... Неужели все так живут?

Наверное, Лиза произнесла это вслух, потому что Ольга ответила:

– Конечно, все, а куда денешься? Ты вот вроде интеллигентная, чистенькая такая, а тоже ведь так живешь, разве нет? Если больших денег нет, чтоб красиво жить, или лапы волосатой, чтоб толкала, – никуда и не денешься.

Лиза не стала спорить. В этот вечер ей нечего было возразить Ольге. Вдруг показалось, что в ту жизнь, о которой Ольга даже не подозревала, ей, Лизе, тоже нет больше доступа...

– Ну ладно, – вздохнула Ольга, вставая. – Пойду отосплюсь. И ты тоже спи – устала, наверно.

– А... А Ринат не у тебя сегодня? – осторожно спросила Лиза.

– Да нет, ему завтра на смену рано. А может, брешет. Спокойной ночи!

Растревоженная Ольгиным приходом, Лиза долго не могла уснуть.

«Все-таки надо искать другое жилье, – подумала она. – Конечно, Ольга неплохая, но как жить с ней рядом? Ведь повеситься захочется, глядя на все это. Да и Ринат наверняка не ограничится одним визитом...»

Новое жилье Лиза нашла на удивление быстро, через две недели. Все это время она старалась придти домой попозже, быстро запиралась в своей комнате, боясь шевельнуться, прислушиваясь к смеху, плачу, ругани и страстным крикам Ольги и Рината.

Тот действительно несколько раз стучал в Лизину дверь под утро, но она делала вид, что спит, стараясь даже не дышать. Однажды он остановил ее в коридоре, прижал к стене.

– Ты чего? – спросил он, дыша Лизе в лицо горячим спиртным духом. – Не понравилось, что ли? Чего дверь запираешь?

– Пусти! – Лиза попыталась оттолкнуть Рината. – Пусти, а то закричу сейчас!

– Ну и дура! – Ринат зло сплюнул на пол. – Еще сама попросишься – видно же, на стенку лезешь.

В тот же день Лиза отнесла объявление в газету «Из рук в руки», указав Колин телефон.

– Слушай, сколько народу желает сдать комнату девушке! – воскликнул Николай, когда Лиза позвонила ему через день после выхода объявления. – Правда, почти все спрашивают, не хочет ли она расплатиться натурой. Чем ты думала, когда такое объявление давала, – не знаю.

Из всех звонивших Лиза выбрала женщину с интеллигентным голосом. Правда, Тамара Сергеевна, поселившая ее в соседки к Ольге, тоже казалась интеллигентной...

– Не волнуйтесь, девушка, – успокоила ее женщина, предлагавшая комнату на Рождественском бульваре. – Одна соседка, древняя старушка. Ухаживать за ней не надо, мы – ее родственники, сами приходим каждый день. Жалко просто, комната наша пустует, а деньги, сами понимаете, не лишние.

Комната была похуже, чем в Газетном, – запущенная, маленькая.

«Зато никакой Ринат ходить не будет», – подумала Лиза и согласилась.

В тот день, когда она перевозила свои вещи на Рождественский, за дверью Ольгиной комнаты слышался смех: хорошая полоса наступила в жизни соседки...

Первое время старушка не выходила из своей комнаты вообще. Впрочем, и Лиза возвращалась поздно: в Большом театре начался балетный фестиваль, и Инга взяла для нее билеты почти на все спектакли, попросив за это по утрам водить Тошу на детский балет.

Лиза любила Большой театр до самозабвения. Сидя в бельэтаже, пока не начался спектакль, она то и дело бросала взгляды в директорскую ложу, словно надеясь увидеть в ней Виктора. Где он теперь, ее нефтяной король? Наверное, живет в своем подмосковном особняке или уехал в Швейцарию к сыну...

Лиза дала себе слово не звонить Виктору. Что она скажет, если даже удастся его разыскать? Согласится дружески встречаться, снова ходить вместе в театры и рестораны? Но ведь уже два года назад все шло к тому, что их отношения должны были стать более близкими. И если бы не встреча с Арсением...

Из театра Лиза возвращалась пешком. Приятно было идти по вечернему городу, начинало казаться, что она не чужая здесь, что и для нее призывно светятся окна старых домов. В эти вечерние часы она становилась похожа на себя прежнюю: снова вспыхивало в глазах обещание будущего счастья, снова казалось, что завтрашний день будет каким-то необыкновенным...

Старушку звали Полина Ивановна – так она представилась Лизе, появившись как-то на кухне субботним утром.

– Ой, а я уже думала, с вами что-то случилось! – сказала Лиза, увидев соседку. – Вас совсем не видно.

– Я работаю, – церемонно заметила Полина Ивановна. – Прихожу усталая, ем у себя в комнате и ложусь спать. Мне даже некогда посещать друзей, а у меня очень много высокопоставленных друзей, все они рады меня видеть. Я бывала в Кремле, представьте себе! Сам Молотов пользовался моими услугами, но это строго между нами, ни-ко-му!

Лиза испуганно посмотрела на старушку. На вид ей было, наверное, лет девяносто. Она была высокая, костлявая, на редкость неопрятная и к тому же, кажется, почти ничего не видела – шла держась за стенку.

Где она может работать, при чем здесь Молотов? Присмотревшись внимательнее, Лиза заметила, что по расползающемуся атласному халату старухи ползают клопы.

Через несколько дней Лиза поняла, что называется работой. К восьми утра за Полиной Ивановной приходили двое, мужчина и та самая женщина, которая представилась родственницей старушки, сдавая Лизе комнату. Теперь женщина выглядела совсем не так аккуратно, как в первую встречу с Лизой, когда получала задаток.

– Бабуля, пора! – услышала Лиза, выходя из ванной. – Живей, бабуля, живей, а то конкуренты место отобьют!

Полины Ивановны не было весь день. К вечеру женщина привела ее, потом вышла на кухню – разогреть что-то в грязной кастрюльке.

– Ну, как живется? – спросила она Лизу, впрочем, без особенного интереса.

– Нормально. А куда это вы ее водите? – поинтересовалась Лиза.

– Куда ее можно водить – милостыню просит, – равнодушно объяснила женщина.

– Как это – милостыню?

– А что ж я, зря ее кормить буду? – Женщина сердито посмотрела на Лизу. – Пусть зарабатывает, раз помирать не хочет. Навязалась на мою голову!

– Но как же можно? – Лиза растерянно смотрела на собеседницу. – Ведь она ваша родственница, и она же старая, слепая!

– Слепой больше подают, – без тени неловкости объяснила женщина. – Какая она родственница – седьмая вода на киселе. Другие вон матерей родных в богадельню сдают, а я черт знает за кем присматриваю, она ж совсем уже из ума выжила, не видно разве?

– И много ей для вас подают? – прищурилась Лиза, с презрением глядя на женщину.

– Не ваше дело! – отрезала та. – Или тоже хотите попробовать? Так у вас не получится, ваше дело молодое, другим местом можно деньги зарабатывать.

«Как можно жить среди этих людей? – с тоской думала Лиза, лежа вечером у себя в комнате и невидяще глядя в экран маленького телевизора, подаренного братом. – Униженные и унижающие, никого больше!»

Она не подозревала, что их так много в Москве, униженных и унижающих, а теперь ей казалось, что все люди делятся только на эти две категории. Значит, и ей суждено войти в одну из них? Лиза содрогалась при этой мысли.

Но надо было как-то жить, надо было где-то жить, а в квартире на Рождественском было пусто и тихо – и Лиза не стала искать новое жилье. К счастью, клопы каким-то странным образом жили только в комнате Полины Ивановны, а со всем остальным оставалось лишь смириться.

С тех пор как Лиза впервые переступила порог дома Ширококовых, прошло три месяца. За это время преобразились и Инга, и Тошка. Но если перемены, произошедшие в Тошке, радовали Лизу и даже заставляли гордиться собой, то повеселевшая Инга раздражала ее еще больше, чем унылая.

В Ингином голосе появились новые нотки – высокомерные и невыносимо самодовольные. Кажется, она начала себя чувствовать светской дамой, и, для того чтобы утвердиться в этом качестве, ей необходимо было иметь прислугу. Она начала говорить Лизе «моя милая». Слыша это обращение, Лиза стискивала зубы и едва сдерживалась, чтобы не хлопнуть дверь.

– Я просто недоумеваю, моя милая, – говорила Инга, когда Лиза приходила утром. – Вчера вечером Тоша был такой невозможный, шалил, бегал, хохотал как безумный. Чем ты занималась с ним весь день? Надо же принимать во внимание детскую психику, за ребенком надо следить!

– Я слежу, не волнуйся. – Лиза старалась говорить спокойно. – Мы с ним играли, как всегда, читали, гуляли. И что плохого, если ребенок хохочет?

Лизу так и подмывало сказать Инге: что ты будешь делать, если я уйду, много ли ты уследишь за ним? Но приходилось молчать.

– Все-таки постарайся как-то иначе строить его день, – советовала Инга. – Не забывай, в следующем году он идет в школу, надо его готовить.

Терпеть эти советы было трудно, но, как оказалось, это были только цветочки.

Тошин день рождения был в августе – вскоре после Лизиного.

– Ты ведь Лев по Зодиаку! – тормозила малыша Лиза в первые дни своей работы у Инги. – Нельзя быть таким робким, нельзя все время плакать! Посмотри, как интересно в парке, давай с горки покатаемся.

И вот теперь, в день своего рождения, Антошка выглядел настоящим львенком – веселый, глаза горят, и читать уже научился.

– Я думаю, не стоит звать много гостей, – решила Инга. – Приведут детей – и хватит, без взрослых. Но как тебе нравится Ширококов? Ограничился телефонным поздравлением, да подарок от него принесли! Мог бы и приехать к единственному сыну!

Инга попросила Лизу непременно быть на дне рождения. Правда, блюда для праздничного стола были заказаны заранее, но перспектива одной возиться с детьми не прельщала Ингу.

Лиза и раньше терпеть не могла оставаться с Тошкой, когда Инга была дома, а уж в последнее время и вовсе старалась улизнуть сразу, как только та входила в квартиру. Но куда денешься – день рождения!

К счастью, к Инге пришла подруга – мать одного из мальчиков-гостей, – и сразу после еды они удалились на кухню, предоставив Лизе одной приглядывать за детьми. Пожалуй, унылая квартира Ширококовых ни разу за последние годы не оглашалась таким радостным шумом. Дети носились по комнатам, разбрасывали игрушки, построили гигантский дом из всех Тошкиных наборов «Лего» – в общем, веселились от души. Лизе почти не пришлось их развлекать.

– Да-а! – ахнула Инга, когда увели последнего гостя и она увидела, во что превратилась квартира. – Хорошо, что завтра Зинаида придет.

К вечеру Лиза так устала, что, вернувшись домой, сразу уснула.

Телефонный звонок разбудил ее рано утром. Хорошо еще, что телефон висел в коридоре неподалеку от ее комнаты, иначе она не услышала бы его сквозь сон. Звонила Инга, и голос у нее был то ли взволнованный, то ли возмущенный.

– Лиза, я прошу тебя прийти немедленно, – послышалось в телефонной трубке.

– Что случилось? – Со сна Лиза едва узнала Ингу.

– Это не телефонный разговор. Когда ты будешь?

– Вообще-то мы не договаривались сегодня...

– Обстоятельства переменились, – резко произнесла Инга. – В твоих интересах приехать как можно скорее.

– Хорошо, я буду через час.

У Лизы был свой ключ от ширококовской квартиры, но Инга сама открыла ей, словно прислушивалась к ее шагам на лестнице.

– Лиза! – В голосе ее слышались какие-то патетические нотки. – Произошло непредвиденное событие... – И, в ответ на недоумевающий Лизин взгляд, Инга продолжала: – Зинаида, к счастью, пришла убирать не сегодня, а вчера вечером, как только Тоша уснул. Я тоже помогала ей, мы все разложили по местам, ты же видела, что здесь творилось, одна она просто не справилась бы.

Несмотря на волнение, Лиза улыбнулась ее словам, представив, как та помогала Зинаиде.

– И что же мы обнаружили? – воскликнула Инга. – Оказалось, у меня пропала брошь – старинная брошь с бриллиантами, бабушкино наследство. Ты представляешь, сколько стоит эта вещь? Она восемнадцатого века!

– Дорого, наверное. Ну и что?

– То есть как это – что? – Инга посмотрела на Лизу, точно та не понимала элементарных вещей. – Кроме тебя, никто даже не входил в ту комнату, ведь ты вчера занималась детьми. И брошь пропала... Ты понимаешь?

– То есть... – От возмущения Лиза задохнулась. – То есть ты хочешь сказать, что я украла твою брошку?

– Конечно, у меня нет доказательств... Но что мне остается думать?

Лиза смотрела на Ингу и еле удерживалась, чтобы не дать ей пощечину.

– Почему же, интересно... – медленно произнесла она. – Почему же, интересно, тебе не остается думать ничего другого? Какое право ты имеешь обвинять меня в воровстве?

В эту минуту Инга вызывала у нее такую ненависть, что даже руки у Лизы дрожали. После всего, после того как она вот уже три месяца выполняет ее дурацкие капризы и воспитывает ее сына, Инга смеет обвинять ее в краже побрякушки!

Наверное, вид у Лизы был такой разгневанный, что Инга слегка сбавила тон:

– Нет, я не хочу сказать, что дело для меня совершенно ясное. Но подумай, не в милицию же мне было обращаться... сразу... Я ведь должна была поговорить с тобой. По-моему, это более чем порядочно с моей стороны. Ты оставалась в комнате, пропала драгоценность, разве не резонно...

– Не резонно! – воскликнула Лиза. – Вот именно не резонно! Ты забыла, что я оставалась в твоей квартире черт знает сколько раз, и разве что-нибудь пропало? Почему ты даже не подумала, что твою брошку могли взять дети, просто чтобы поиграть? Да как ты смеешь!..

У Лизы снова перехватило дыхание.

– Но мы все обшарили, все! – закричала в ответ Инга. – Нигде ее нет! И почему бы мне не заподозрить тебя? Ты, между прочим, выглядишь довольно странной особой. Нанимаешься в гувернантки – не забудь, что я взяла тебя с улицы, без единой серьезной рекомендации! – а сама одета как фотомодель! Думаешь, я не понимаю, где сшиты твои наряды и сколько они стоят? Приехала черт знает откуда, вообще непонятно, чем ты занимаешься в Москве!

Лиза покраснела, хватая воздух ртом. Выходит, эта дама все время подозревала ее неизвестно в чем? И оценивала наряды от Орлова, которые когда-то подарил ей Виктор?

– Вот что, – вдруг сказала Лиза. – Где вы искали твою брошку?

Она почувствовала то самое спокойствие, которое всегда приходило к ней неожиданно, в моменты сильного напряжения – словно срабатывал невидимый механизм.

– Везде! – тут же ответила Инга. – Я же тебе сказала – везде!

– Немедленно начнем искать – я начну искать в твоём присутствии. И не выйду из этой квартиры, пока не найду. А если не найду, ты обзвонишь всех родителей, которые вчера приводили детей, и они поищут у себя.

Кажется, даже Инга слегка растерялась, услышав эти слова. Наверное, она ожидала слез, испуга, может быть, даже извинений, но никак не такой решительности с Лизиной стороны. Она кивнула, соглашаясь.

Поиски продолжались не меньше часа. Лиза подняла все ковры, отодвинула диваны, заглянула под шкафы – брошки не было, и она сама уже начала приходить в отчаяние.

Найти что-нибудь в Тошиной комнате вообще не представлялось возможным: горы игрушек громоздились повсюду, валялись детали всевозможных конструкторов, пол был устлан обрезками разноцветной бумаги...

– А Тоша где? – спросила Лиза.

– Зинаида с ним гуляет, сейчас приведет. Но при чем здесь Тоша? Его, что ли, спрашивать про брошку?

– Инга, ты меня просто поражаешь! – воскликнула Лиза. – Надо быть полной идиоткой, чтобы даже не расспросить ребенка.

– Я попрошу тебя выбирать выражения! – возмутилась Инга. – Ты забываешься!

Неизвестно, что они высказали бы друг другу дальше, если бы в эту минуту не позвонили в дверь. Обгоняя друг друга, Инга и Лиза бросились открывать. Перепуганная Зинаида даже отшатнулась, увидев на пороге двух раскрасневшихся, рассерженных женщин.

– Ну что, нашлась? – спросила она. – Надо же, беда какая...

– Тоша... – Лиза присела перед мальчиком. – Ты не видел мамину брошку – такую красивую, с блестящими камешками?

– Брошку? – Тошка недоуменно посмотрел на Лизу. – Какую это брошку?

– Вот видишь, откуда ребенок может знать! – торжественно произнесла Инга.

– А, орден! – вдруг догадался Тошка. – Видел. Меня Вадик им наградил, я был полководец.

– Господи, где Вадик мог взять орден? – воскликнула Лиза.

– Он его из комнаты принес... – растерянно сказал Тошка. – Я думал, это его, и он мне подарил, а это, значит, мамин орден...

Не дожидаясь, что еще скажет мальчик, Инга побежала в его комнату, распахнула шкаф. На вчерашнем новеньком костюмчике Тошки, вывернутом наизнанку и брошенном на полку, сияла брошь с бриллиантами...

Не говоря ни слова, Лиза пошла к двери. Она не ждала от Инги извинений – достаточно успела изучить ее самовлюбленную натуру, – но все-таки надеялась, что та хотя бы остановит ее. Инга хранила полное молчание.

Лиза дошла до дому почти машинально, но, оказавшись в четырех стенах, тут же снова вышла на улицу. Невыносимо было видеть опостылевшую комнату, выходить на кухню, рискуя столкнуться с Полиной Ивановной, у которой сегодня был «выходной».

Выйдя на Рождественский бульвар, она беспомощно огляделась. Куда идти, кому есть дело до ее отчаяния и обиды? Она чувствовала, что осталась в огромном городе в полном одиночестве, и воскресная тишина неширокого Рождественского бульвара только усиливала это ощущение.

«Оксана!» – вдруг вспомнила Лиза.

Конечно, надо было пойти к Оксане, ведь она так давно не была у своей неунывающей подружки, с тех самых пор, как перебралась на новую квартиру, сбежав от Ольги и Рината. Эта мысль так обрадовала ее, что она даже не стала возвращаться домой, чтобы позвонить Оксане. Скорее бы оказаться у нее, увидеть ее улыбку, услышать напевный веселый голос!

Оксана обрадовалась, увидев Лизу на пороге.

– Ой, хорошо, что ты пришла! – воскликнула она. – А я уже тоскую: воскресенье, а Игорешка на работу умотал, что с ним будешь делать! Ты куда пропала?

– Ксения, извини, совсем я что-то забегалась. И не понимаю, чем занята, а настроения нет ни на что. Прихожу домой и засыпаю.

Самый вид Оксаны всегда успокаивал Лизу – с тех пор, как она познакомилась с ней два года назад. А тогда все-таки потяжелее было, чем теперь: мучили воспоминания о разрыве с Арсением, будущее казалось совсем безнадежным...

Нельзя сказать, что теперь Лиза полна была оптимизма, но чувствовала она себя все же увереннее – может быть, просто потому, что больше повидала в жизни.

– Как Олеська? – спросила она.

– Большая! – Лицо Оксаны осветилось мгновенной радостной улыбкой. – Зуб вырос, представляешь? Спит сейчас.

– Ты кормишь еще?

– Да кормлю, куда ж я денусь. Игорь такой папаша стал, аж дрожит над своей красавицей. Корми, говорит, раз ребенку надо. Ну, и я не против, разве мне жалко?

Оксана уже разогревала жаркое, быстро резала салат, не переставая болтать: соскучилась в одиночестве, Игорь-то все больше на работе. Рассказывая свои новости, она попутно расспрашивала Лизу о ее жизни. Та отвечала машинально: по правде говоря, ей было сейчас не до беспечной болтовни, даже с Оксаной.

– Слушай, ты чего вареная такая? – наконец спросила Оксана. – Я же вижу, случилось что-то, лица нет на тебе. Так не таись, скажи, мы ж не чужие. Может, прежнего своего встретила?

– Кого? А, Арсения... Да нет, он ни при чем. Я его видела, но это неважно. Забыто! Сейчас, слыша Ксенин голос, Лиза вдруг почувствовала такую жалость к себе, что не выдержала и всхлипнула.

– Да что с тобой? – не на шутку встревожилась Оксана.

С трудом сдерживая слезы, готовые хлынуть потоком, Лиза рассказала ей о том, что произошло сегодня в квартире Инги Широковой.

– Вот паскуда! – возмутилась Оксана. – Я б ей показала!.. Но ты тоже – нашла из-за чего переживать. Ты что, не знала, что она стерва такая, или ты к ней душой прикипела? Ей-Богу, Лиз, мне б эти заботы!

– Да понимаешь, дело не в ней, – попыталась объяснить Лиза. – С нее что взять! Но ведь я-то, я-то как живу? Разве так мне хотелось жить, разве об этом я мечтала? Как будто не было в моей жизни ничего – ни любви, ни Германии, как будто людей я не видала нормальных, книг не читала. Совсем другой мир... Мне не вырваться, Ксения, понимаешь, не вырваться из этого круга, нет у меня сил, чтобы жить, как хочется! Не пойму, времена, что ли, такие теперь или всегда так было?

Лиза с надеждой смотрела на Оксану, словно та могла ответить на вопрос, казавшийся неразрешимым.

– Времена... – протянула Оксана. – Не знаю я насчет времен. Ты на меня не обижайся, а все ж таки я думаю, дело проще. Не можешь ты одна. Ну, такая уж ты уродилась – не для себя, а для кого-то. Не всем же бизнесвуменшами быть. – Вдруг она прислушалась. – Проснулась! погоди, Лиз, я сейчас!

С этими словами Оксана выскочила из кухни. Оставшись одна, Лиза постаралась успокоиться. Вытерла слезы, огляделась. О, у Ксени новый гарнитур – желто-голубая кухня с посудомоечной машиной. Значит, дела у Игоря идут неплохо. А она-то, вместо того чтобы расспросить Ксению хоть о чем-нибудь, сразу вывалила на нее свои проблемы, как будто та должна их решать!

Оксана всегда мыслила практично – даже удивительно, ведь ей было всего девятнадцать. Но Лиза иногда понимала: Ксения ничего не может посоветовать, когда речь идет о том, что Лиза сама лишь смутно чувствует... Впрочем, сейчас она ждала не совета, а сочувствия.

Оксана вернулась через пять минут, держа на руках пухленькую Олеську, которая радостно улыбалась новой тете. Сейчас уже было понятно, что Олеська похожа на маму: такие же круглые глаза, задорный остренький подбородок, и улыбка похожа. Оксана смотрела на дочку с обожанием, но она не относилась к тем женщинам, которые заставляют окружающих интересоваться только их детьми. Вместе с Олеськой она притащила из комнаты белый раскладной манеж и тут же поставила его посреди кухни. Олеська с готовностью усеелась в манеж и на некоторое время занялась игрушками.

– Ты чего не ешь? – спросила Оксана. – В общем, не переживай. Ты ж не перестарок, найдется кто-нибудь, влюбишься, и все будет нормально. Разве нет?

– Да, – улыbnулась Лиза.

Настроение у нее улучшилось само собою – как всегда, когда она встречалась с Оксаной. В самом деле, отчего раскисать да еще жаловаться? Она ведь давно поняла, что Москва – жесткий город, слабых не любит. Если не ладится здесь, надо возвращаться домой, а раз не хочется возвращаться – значит, здесь наладится. Рассудив таким образом, Лиза улыbnулась и принялась за жаркое.

– А чего ты вообще цепляешься за эту барыньку? – спросила Оксана. – Сама же мне говорила – помнишь, когда на курсы ходили? – фирм теперь много, неужто нельзя устроиться? Тем более ты по-немецки свободно... Попробуй позвони туда-сюда, не может быть, чтобы ничего не нашлось. Если б ты на всю жизнь работу искала, а тебе ведь так, перебиться. А я Игорю скажу, чтоб тоже поспрашивал. Жалко, у него на фирме никто пока не нужен.

«Действительно, мне ведь только так... – молча согласилась Лиза и тут же подумала: – Но до чего я хочу „перебиться“?»

И ведь Оксана говорит об этом без тени сомнения. Значит, это так заметно?

Возвращаясь домой, Лиза думала о будущем немного спокойнее. Работать у Инги она больше не собиралась. Кровь прилиwała к Лизиним щекам, когда она вспоминала сегодняшнюю отвратительную сцену. И где гарантии, что подобное не повторится? Значит, надо действительно обзванивать фирмы по газетным объявлениям и устраиваться на подходящую работу.

В понедельник она звонить не стала: вспомнила, что мама ни одного дела не начинала в понедельник, тяжелый день. Лиза дождалась вторника и, положив перед собой газету, принялась накручивать диск старого коммунального телефона.

К ее удивлению, ни в одной фирме ей не отказали. Расспрашивали о возрасте, о владении языком и умении обращаться с компьютером и предлагали прийти на собеседование.

– Какого вы мнения о своей внешности? – спросила ее женщина по одному из телефонов.

– Не знаю... – Лиза растерялась, услышав подобный вопрос. – Говорят, выгляжу неплохо.

На всякий случай она решила не ходить в фирму, где сразу задают подобные вопросы. Вполне возможно, это просто формальность, но Лиза не хотела связываться с сомнительными людьми.

Удачное начало поисков придало ей уверенности.

«В самом деле, – думала Лиза. – Ведь я устраиваюсь просто секретаршей, как бы это ни называлось, смешно было бы не справиться!»

Для походов в фирмы она выбрала кремовый костюм из орловской коллекции, который, как она сразу заметила, создавал облик не только деловой, но в первую очередь очаровательной женщины. Юбка, может быть, была чуть-чуть коротковата, но при стройных ногах смотрелась отлично и ничуть не вызывающе.

Собеседования, правда, оказались не такими удачными, как телефонные звонки. Узнав, что Лиза не знает английского, «экзаменаторы» начинали говорить несколько более кисло, чем сразу, как только видели ее. И компьютер ей предстояло осваивать на месте, и стажа у нее не было, и регистрация была временная...

Очень скоро Лиза поняла, что шансы ее невелики, как бы уверенно она себя ни чувствовала.

– Что ж, Елизавета Дмитриевна, – задумчиво произнесла дама, говорившая с ней в одной из фирм по продаже обуви, – может быть, мы вас и возьмем, но вы же понимаете: платить вам только за приятную внешность никто не собирается, опыта у вас никакого, образования нет... На что вы вообще рассчитываете?

Может быть, дама говорила только для того, чтобы сбить цену, но слова ее задели Лизу. Никогда еще не было у нее такого отчетливого ощущения, что все ее достоинства вовсе не очевидны, что окружающие относятся к ней совсем не так, как она ожидает. И возразить ей было нечего.

Она вдруг снова почувствовала себя робкой девочкой-провинциалкой, растерянной в недоброжелательной Москве, неуверенной в себе. А ей-то казалось, это чувство исчезло навсегда! В Германии она впервые ощутила, что многое может, надо только доверять себе, и вот – опять...

– Оставьте ваш телефон, – сказала дама, несколько смягчившись. – Может быть, у нас будет что-нибудь и для вас.

Но все это было невинными булавочными уколами по сравнению с тем, что услышала она в фирме по продаже профессиональной телевизионной техники.

В сияющий офис, оформленный в хорошем европейском стиле, Лиза попала в пятницу, после ежедневных бесплодных переговоров. Она чувствовала себя уставшей, расстроенной и, увидев, как респектабельно выглядит этот офис, едва не раздумала в него входить. Зачем, уж здесь-то требуются только профессионалы!

Но, к ее удивлению, прелестная секретарша лет двадцати пяти – длинноногая, в безупречном костюме – внимательно выслушала ее, доброжелательно кивая, записала ее данные в кожаную книжечку с отрывными страницами и, приветливо улыбнувшись, сказала:

– Подождите минутку, пожалуйста, я доложу шефу.

А вдруг? Сердце у Лизы забилось быстрее. Как хорошо было бы работать здесь, среди приятных и вежливых людей, и не видеть Ингино высокомерное лицо, не слышать опостылевшее «моя милая»...

Шеф вышел через пять минут; милая секретарша сопровождала его. На вид шефу было лет тридцать, он был молод, подтянут и являл собою образец преуспевающего молодого бизнесмена, каким его и представляла себе Лиза. Видно было, что он занят: задал Лизе несколько вопросов, внимательно оглядел ее и, кивнув секретарше, удалился. Это немного смутило Лизу, но она тут же обругала себя. Что же, два часа он должен ее расспрашивать, как будто других дел нет?

– Вы нам подходите, – объявила секретарша, когда шеф ушел.

– Но чем я буду заниматься? – осторожно поинтересовалась Лиза. – Мне показалось, его секретарем работаете вы?

– Не только я, – улыбнулась девушка. – Главный к вам вопрос: как вы относитесь к совместным посещениям сауны с шефом?

Этот вопрос был задан таким невозмутимым тоном, как будто девушка интересовалась, как она относится к совместному чаепитию. От удивления Лиза не сразу сообразила, что ответить. Девушка смотрела на нее, продолжая мило улыбаться.

– То есть... как это? – наконец пробормотала Лиза. – При чем здесь сауна?

– Шеф посещает сауну довольно часто, – разъяснила ей секретарша, словно Лизу интересовал график посещения сауны. – В ваши обязанности будет входить сопровождать его. Мы считаем необходимым сразу оговорить круг обязанностей.

Последнюю фразу девушка произнесла с оттенком гордости – видимо, за фирменный стиль.

– И это все, что мне придется делать? – спросила Лиза, с трудом заставляя себя говорить спокойно.

– Нет, конечно, будут и другие обязанности непосредственно в офисе. Естественно, с учетом того, что у вас нет опыта работы, – добавила она многозначительно.

– Мне очень жаль, – сказала Лиза, вставая и глядя в безмятежные глаза секретарши. – Но я не смогу работать у вас.

Девушка пожалала плечами и встала вместе с Лизой.

«Вот так, вот так, и больше ничего», – повторяла про себя Лиза, стоя у светофора на перекрестке.

Красный свет сменился зеленым уже раз пять, а она все стояла на переходе, глядя перед собой невидящими глазами.

– Девушка, что случилось? – Милиционер подошел к ней незаметно, тронул за локоть. – Есть проблемы?

– Нет-нет, все в порядке, – торопливо возразила Лиза, отшатнувшись от него. – Просто задумалась.

С этими словами она бросилась бежать через дорогу; к счастью, свет опять был зеленый.

«Больше ничего и быть не может, – думала она, бредя по другой стороне Садовой-Кудринской. – Чего же еще ожидать?»

Эта мысль сверлила мозг, не давала покоя даже ночью. Лиза ворочалась в кровати, выходила на кухню, но сон не приходил, все тело было напряжено, в висках стучали острые молоточки.

«Чему ты удивляешься? – пыталась она себя убедить. – Ведь ты действительно ничего не умеешь, и опыта у тебя действительно нет. Смазливая девочка, больше ничего, и предложения соответствующие!»

Но в душе она понимала, что это не так. Чего она не умеет по сравнению с холеной секретаршей, которая сопровождает шефа в сауну по графику? Да, не знает английского – но, позанимавшись когда-то немецким на курсах секретарш, Лиза знала: тот «деловой английский», которому там учат, не слишком отличается от ее незнания. А по-немецки она говорит совершенно свободно. Если надо будет, и английский выучит. Компьютер – вообще дело нескольких дней, она ведь умеет печатать на машинке после школьного профцентра. Тогда что же?

Еще два года назад в такой ситуации Лиза обвиняла бы себя, считала бы себя никчемной и недостойной. Но та неуверенность в себе осталась позади. И теперь обвинять было просто некого – только судьбу, как говорила Ольга Воронцова.

«Права она была: я тоже так живу», – с горечью думала Лиза.

Инга позвонила на следующий день.

– Лиза, в котором часу ты придешь? – спросила она, как будто они расстались вчера. – Учти, мне надо выйти из дому в половине пятого, но ты можешь прийти и раньше, погуляешь с Тошей.

Тон у Инги был примирительный, но совсем не извиняющийся. Лиза сцепила пальцы, сжала их так, что едва не вскрикнула от боли.

– Я приду в четыре, – ответила она.

Положив трубку, она медленно опустилась на пол тут же, у телефона, и в голос заплакала.

Глава 5

Осень прошла однообразно и потому незаметно.

Лиза оставила всякие попытки найти другую работу и перебороть судьбу. Она старалась не думать, было ли в этом смирение с тем, что «выше головы не прыгнешь», как говорила мама, или надежда на будущее. Что в лоб, что по лбу...

Иногда самой не верилось, что ей всего двадцать два. Прежде Лиза понимала: ее нынешний возраст называется юностью, молодостью, а потом она станет взрослой, а потом... Лиза не знала, что будет потом, – эти времена казались совсем далекими, – но она всегда чувствовала движение времени, с которым были связаны изменения в ее душе, в ее мире.

Теперь все переменялось. Как человек с нарушениями вестибулярного аппарата не чувствует пространства, так Лиза не чувствовала собственного возраста.

«Может быть, это уже старость? – думала она с испугом. – Но невозможно же, почему вдруг?»

О будущем она старалась вовсе не думать.

Работать приходилось довольно много. Инга, судя по всему, взялась за устройство своей судьбы особенно решительно. Это произошло после неожиданного приезда Широбокова.

Однажды, придя к Тошке утром – теперь она не только приглядывала за ребенком, но и занималась с ним регулярно, по расписанию, чтением, математикой и немецким, – Лиза поняла, что в доме что-то произошло. В прихожей стояли чемоданы, из гостиной доносились взволнованные голоса.

– Лиза, ты знаешь, кто приехал? – Тошка выскочил ей навстречу. – Мой папа приехал!

– Да? Очень хорошо, ты ведь обрадовался? – спросила она.

– Не знаю... – Вид у мальчика был растерянный. – Я его давно не видел. Лучше бы дядя Юра из Германии приехал!

Лиза не стала обсуждать приезд Широбокова. Не заходя в гостиную, она прошла в Тошкину комнату.

– А заниматься мы будем сегодня? – поинтересовалась она.

– Давай! – Тошка повеселел. – Я тебя давно жду, а то они там ругаются, и все.

Пока Тошка читал про себя, чтобы потом пересказать прочитанное, Лиза невольно слышала фразы, долетавшие из гостиной.

– Ты уничтожил мою жизнь! – кричала Инга. – Если бы не брак с тобой, все было бы у меня по-другому!

– Интересно, какие конкретные претензии ты можешь мне предъявить? – отвечал ей солидный бас Широбокова. – Может быть, ты считаешь, я был очень счастлив с такой женой, как ты? Да ты понятия не имеешь о том, что такое семья, я вообще не знаю, о чем ты имеешь понятие! Живешь как растение!

– Жила-была на свете одна женщина, – пересказывал Тошка. – И не было у нее детей. А ей очень хотелось иметь маленькую дочку...

– Сколько времени я содержу тебя неизвестно чего ради? Ты живешь в моей квартире, я оплачиваю твои расходы...

– В этой квартире живет твой сын, не забывай! И он имеет такое же право на квартиру, как и ты!

– Девочка была совсем маленькая, не больше дюйма, и женщина назвала ее Дюймовочкой. Лиз, а сколько это – дюйм?

– Ты просто решил меня выжить отсюда! Нашел себе кралю во Франции, да? Не рассчитывай, что я тебе создам все удобства, мне надо думать о сыне!

– Когда это ты думала о сыне? Хоть мне не рассказывай... Да, я возвращаюсь, и возвращаюсь с женой. Мы должны спокойно обсудить наши дальнейшие отношения. Финансовые и имущественные, естественно.

– Как ты научился говорить, подумать только!

– А что мне делать, если ты...

Лиза тряхнула головой, чтобы не слышать назойливых голосов. Широбокова она так и не увидела: сразу после занятий одела Тошку и вышла с ним на улицу.

Они гуляли в заснеженном саду «Аквариум», и Лиза вдруг вспомнила, как встретила здесь с Арсением, чтобы идти в театр на «Мадам Бовари». В руках у него были цветы, он был молод и прекрасен, и от одного взгляда на пленительную излучину его губ сердце у нее замирало. И потом... Потом было много счастья, но еще потом – его отрешенное лицо, аборт, пустота в груди.

Неужели все чувства завершаются пустотой? И криком, и взаимными упреками, как у супругов Широбоковых? Но в это Лиза поверить не могла. Любовь была для нее той сферой человеческих отношений, в которой все иначе, чем в опостылевшей повседневности.

Только вот где она, любовь?..

Когда они с Тошкой вернулись домой, чемоданы из прихожей исчезли.

– Подумай, он просто ушел! – Инга вышла им навстречу, глаза у нее были злые и опухшие. – Даже с ребенком не пожелал проститься! Что за человек, не понимаю. Заявил, что будет встречаться с Тошей без меня. Пусть не рассчитывает! Жил без сына прекрасно, проживет и дальше! Думает, надо мной можно безнаказанно издеваться!..

– Тоша, ты разделся? – спросила Лиза. – Иди готовься, до обеда – немецкий.

Она прошла на кухню, и Инга волей-неволей последовала за ней.

– Я уверена, что вела себя так, как ангел бы себя не вел! – воскликнула Инга, садясь на угловой диван и закуривая очередную сигарету; в пепельнице громоздилась гора окурков. – Он ведь бросил меня, и какие деньги могут возместить мои душевные потери?

Она смотрела на Лизу, ожидая сочувствия, но Лиза молчала. Смешно было слышать о душевных потерях. Конечно, дело только в том, что придется делить квартиру и урезать расходы. Жалко было Тошку, она успела привязаться к нему и ясно чувствовала, как сказываются на нем ненормальные отношения родителей. Но что можно поделать? Инга есть Инга.

– Он думает, я перееду к родителям или на дачу, – продолжала Инга. – Не дожидается, квартиру я ему не оставлю. Пусть новую покупает, нечего бедняка из себя строить! Почему мы с Тошей должны жить у родителей, как будто я девчонка? И кстати, я ему доходчиво объяснила, во сколько обходится мне воспитание его сына, – добавила она. – Я, видите ли, стала много тратить! Он думает, гувернантка будет работать за копейки!

После бурного разговора с Широбоковым Инга лихорадочно налаживала отношения со скульптором Славой. Как она ни старалась, лучшей кандидатуры на роль нового супруга найти не удалось.

Впрочем, все это не слишком занимало Лизу. Она беспокоилась только, как бы Инга не решила сэкономить именно на гувернантке, и даже рада была, что работать придется больше: можно было отложить денег.

Но время шло, снег то ложился на землю, то таял, а в жизни ее не было никаких изменений. Лиза чувствовала только, что стала жестче, и это пугало ее. Но как было оставаться робкой и нежной, если чуть ли не каждый день приходилось ставить на место то Ингу, то родственницу Полины Ивановны, которая из любви к кухонным сварам не давала Лизе проходу?

Только у Коли с Наташей да у Оксаны Лиза оттаивала, переставала держаться насто-роже. Иногда она и сама не понимала, что мешает ей перебраться к брату, зачем возвра-щется она в пустую комнату, где никто ее не ждет. Но какая-то необъяснимая сила вела ее туда; наверное, та же, что когда-то увела из родного дома в неведомую и пугающую Москву.

И тогда, и теперь Лиза действовала без ясной цели, словно догоняя тот смутный образ, что маячил впереди, – свой собственный будущий образ.

Несмотря на сдержанную неприязнь, которую Лиза ощущала со стороны Инги, та постоянно делилась с ней своими бедами и обидами.

– Лиза, ты единственная, кто меня выслушает, – всхлипывая, говорила Инга, и Лиза не в силах была уйти. – Даже мама занята только собой, не говоря уже о папе! И Юры нет, он не был бы таким равнодушным, он хотя бы пожалел меня по-человечески!

О брате Юрочке Лиза слышала часто. Инга вспоминала его всегда, когда не ладились ее отношения с миром, и поэтому его образ начинал казаться не слишком реальным.

– А давно уехал дядя Юра? – из любопытства спросила Лиза у Тошки.

– Давно, год назад, – ответил он. – Он тоже за границей, но мама говорит, что он все равно не такой, как мой папа.

– А какой дядя Юра? – спросила Лиза, чтобы отвлечь Тошку от щекотливого разговора об отце, – что, в самом деле, у Инги за привычка – втягивать ребенка во взрослые дела!

– Веселый, – мечтательно произнес Тошка. – Смелый, добрый и со мной играет. Он мне звонил из Германии и обещал, что, когда вернется, мы с ним поедem на речку Листвянку и будем плавать на лодке от острова до острова.

Выходит, на самом деле существовал этот необыкновенный брат, которого любила даже Инга!

Весна наступила поздно. В начале апреля снег еще не сошел даже в городе, ночью морозило. Переходя по утрам через грязный двор Ингиного дома, Лиза скользила на льду и едва не падала.

Нынешнее утро было особенно неудачным. Каблук ее сапога попал в какую-то скользкую ямку, и она все-таки упала, больно ударившись локтем об оттаявший асфальт.

– Что же вы, девушка, ходите так неосторожно! – услышала она и тут же почувствовала, как кто-то подхватил ее сзади под мышки и поднял вверх, точно ребенка.

Оказавшись на ногах, Лиза обернулась. Она увидела своего неожиданного помощника – и остолбенела, не в силах произнести ни слова.

– Что с вами? – удивленно спросил стоящий перед ней мужчина в расстегнутом светлом пальто. – Вы ушиблись?

– Н-нет, – пробормотала Лиза. – Спасибо...

– Не за что! – Мужчина улыбнулся и, кивнув Лизе, пошел к дому.

Лизе невольно пришлось идти за ним, потому что она направлялась в тот же подъезд. Но у входа она помедлила и вошла только после того, как хлопнула сетчатая дверь старого лифта.

«Невозможно, чтобы такое совпадение!.. – подумала она. – Так вот почему мне каза-лось, что я ее уже видела... Может быть, лучше не ходить туда сегодня – им, наверное, не до меня».

За ширококовской дверью слышался смех, веселые вопли Тошки, Ингины всхлипыва-ния. Лиза остановилась у порога, собираясь повернуть обратно, но дверь неожиданно рас-пахнулась. Наверное, Тошка услышал, как она выходила из лифта, потому что открыл ей он.

– Ли-иза! – завопил мальчик. – Мы думали, это ты, а это не ты была, а дядя Юра! А теперь ты пришла! Но мы сегодня не будем заниматься, мы с дядей Юрой гулять пойдем!

– Ну конечно, – согласилась Лиза. – Я так и поняла, что это твой дядя.

– Почему? – Юрий Ратников, успевший снять пальто, обернулся к ней. – Так это вы, значит, Лиза и есть?

– Да... – Лиза почему-то смутилась. – Вы похожи на Ингу.

Они действительно были похожи, если только можно назвать похожими людей, у которых полное несходство характеров написано на лице.

Темно-серые, широко поставленные глаза Юрия смотрели прямо и весело; в точно таких же Ингиных глазах, несмотря на радость встречи, читалось привычное недовольство всем и вся. Лиза невольно улыбнулась, заметив, как брат и сестра почти одним и тем же жестом отбрасывают волосы, падающие на лоб.

Но думала она сейчас не о сходстве Юрия и Инги...

Правая бровь Юрия была слегка приподнята – из-за светлого маленького шрама лицо его казалось удивленным. Теперь, спустя год после того, как Лиза увидела его впервые, он не выглядел ни больным, ни страдающим.

«Действительно, веселый», – подумала Лиза, вспомнив Тошкины слова.

Но первое, что бросалось в глаза при взгляде на Юрия Ратникова, был неподдельный интерес к происходящему вокруг, которого он нисколько не скрывал. И на Лизу он смотрел с этим самым интересом.

«Может быть, просто потому, что из-за границы недавно вернулся?» – подумала она.

– Извините, я сегодня помешал вашим занятиям, – сказал он. – Но ведь мы можем погулять вместе, если хотите, правда, Тошка? Заодно поговорим по-немецки все втроем. Вы ведь его немецкому учитесь, да?

Вопросительная интонация располагала к нему собеседника не меньше, чем открытое лицо, и Лиза сразу кивнула, соглашаясь.

– Нет, но надо же позавтракать! – воскликнула Инга. – Почему ты не предупредил, что приезжаешь, Юра? Ничего не готово, мне уходить надо... А я так тебя ждала! – добавила она многозначительно.

– Да ведь я насовсем приехал, Ин, – примирительно ответил Юрий. – Наговоримся еще. И я позавтракал у мамы, не волнуйся. Я уже часа три как прилетел.

– Это на тебя похоже, – улыбнулась Инга. – Перемещаешься по городу как вихрь. Ты на машине?

– Да. – По лицу Юрия промелькнула детская хвастливая радость. – Посмотришь, на какой! Ты таких в жизни не видала!

– Ой, Юрка! – засмеялась Инга. – Думаешь, мы здесь в лесу живем? Давно ты не был дома.

– Наверное. – Он слегка погрустнел. – Много переменилось, я заметил. Ну ладно, потом разберемся. Одевайся, Тоша, вперед!

– А Юля где же? – спросила Инга уже открывшего двери брата.

– Юля скоро прилетит, она в Париже. Твой ведь тоже там?

– Да нет, вернулся уже... – протянула Инга. – Потом расскажу.

– Такие странные эти первые часы – дома... – медленно говорил Юрий Ратников, шагая рядом с Лизой по дорожке сада «Аквариум». Тошка то вертелся между ними, то убегал вперед. – Не могу привыкнуть, никогда так надолго не уезжал. Такое ощущение, будто вверх ногами хожу или выпил больше нормы.

– Правда? – обрадовалась Лиза. – У меня тоже так было, когда из Германии вернулась. Чуть не упала в аэропорту, голова закружилась.

– А что вы делали в Германии? – тут же заинтересовался Юрий. – Кстати, меня лучше называть на «ты».

– Меня тоже, – улыбнулась Лиза. – Почти то же, что и здесь: была гувернанткой в одной семье.

– У тебя, наверное, жених в Москве, – догадался Юрий.

– Да нет, я просто так вернулась. Сама не знаю зачем.

Они немного помолчали. Неожиданно Ратников свистнул и бросился догонять Тошку. Оказывается, мальчик пытался влезть на дерево, но никак не мог допрыгнуть до нижней ветки. Юрий посадил его и теперь дожидался, когда подойдет Лиза.

– Скучно же здесь гулять, – сказал он. – Давайте лучше поедem куда-нибудь – за город, а? На реку!

– Не терпится? – Лизе все больше нравился неумный Ингин брат. – Ты ведь только прилетел, успеешь еще.

– Ну-у, думаешь, я и завтра буду просто так по Москве разгуливать? – протянул он. – Завтра все, за работу. А сегодня – поехали?

Лиза рассмеялась и кивнула. Они быстро вернулись к дому, и Юрий распахнул перед ними дверцу блестящей темно-вишневой машины, припаркованной в углу двора.

– Прошу!

Он бросал на Лизу и племянника короткие взгляды, явно ожидая восхищения, и Лиза не могла отказать ему в этом удовольствии.

– И правда, отличная машина, – сказала она. – Это какая?

– «Форд», но не европейский, а американский, спортивный вариант, – с гордостью объяснил Юрий. – Летает как птица!

Машину он водил отлично. Впрочем, Лиза начала догадываться, что так он делает все, за что берется. Но «летать» по Москве было сложно, и это явно сердило Юрия.

– Черт, и не поездишь здесь теперь! – воскликнул он, встав в бесконечную пробку на Садовом кольце. – Может, нарушим?

– Нет-нет, это только до моста, – успокоила его Лиза. – Не будем нарушать, ладно?

Она терпеть не могла «хозяев жизни», мчащихся по встречной полосе, а то и вовсе по тротуару.

Юрий неохотно послушался. Впрочем, унывал он недолго. С черепашьей скоростью двигаясь в потоке машин, он рассказывал Лизе и Тошке, как в Берлине ненароком въехал на извилистую улицу с односторонним движением.

– И что, ты думаешь, делали эти водители? – спросил он.

– Наверное, выходили из машин, доставали план города и показывали тебе, как выехать, – тут же догадалась Лиза. – И желали счастливого пути.

– Точно! – Юрий удивленно посмотрел на нее. – А ты откуда знаешь, ты разве за рулем там была?

– Нет, не за рулем, но нетрудно догадаться.

Так, болтая о пустяках, они выбрались из пробки и понеслись по Кутузовскому к Рублевке. Лиза видела, с каким обожанием смотрит на дядю Юру Тошка. Еще бы, ведь для того, например, чтобы просто решить, идти ли гулять, Инге требовалось полдня размышлений.

Юрий вел машину уверенно, точно ехал в определенное место. Он свернул на Рублево-Успенское, проехал через Барвиху и остановился, по Лизину впечатлению, рядом с чистым полем.

– Все, приехали, – заявил он. – Пойдемте!

– Да ведь снег, – попыталась остановить его Лиза. – И что там делать, там ничего же нету.

– Ну да – нету, – возразил Юрий. – Там река под обрывом. Пойдем, пойдем, сама увидишь!

Снег был неглубокий, но мокрый, слипшийся. Лиза с трудом выдергивала из него сапоги, держа Юрия под руку. Она видела, что ему хочется, как Тошке, поскорее побежать через поле к недалекой кромке деревьев, но не могла идти быстрее по этому вязкому месиву.

Река открылась перед ними неожиданно, из-под крутого обрыва. Она еще была покрыта льдом, но ее живое дыхание чувствовалось через подтаявшую весеннюю толщу. Лиза смотрела сквозь блестящие сизые ветви деревьев и не понимала, что притягивает ее взгляд так неотрывно...

– Не понимаю... – точно угадав ее чувства, произнес Юрий. – Почему именно здесь...

– Что? – Тряхнув головой, Лиза взглянула на него, оторвавшись от созерцания невидимой реки. – Что ты не понимаешь?

– Да просто: мне часто снился этот берег и река. Именно в этом месте, у этой излучины. Хотя я не жил здесь никогда, я совсем у другой реки жил, а сюда – так, выбирались пару раз с ребятами на пикник, но не в апреле, конечно. А снилось все именно таким, как сейчас, – и деревья голые...

Лизе показалось, что взгляд у него растерянный, недоумевающий. Но уже через несколько мгновений он улыбнулся:

– Ведь год всего, а кажется, лет пять. Динамичное время, что и говорить.

Тошка попытался спуститься к реке по обрывистому склону, заскользил вниз. Юрий схватил его за шиворот.

– погоди, Тош, ты куда это один? Если хочешь, вместе спустимся. Ты хочешь вниз спуститься, Лиза?

Лиза заколебалась. Вообще-то ее совершенно не прельщал спуск по раскисшему склону – от каблуков наверняка ничего не останется. Но ей почему-то нравилось делать то, что предлагал Юрий, и она снова кивнула.

Тошку Юрий по-прежнему придерживал за шиворот, Лиза опиралась о его руку – чувствуя, как легко, без напряжения, он выдерживает ее вес. Они спустились быстро, скользя по глине, и оказались у самой воды, которая темными пятнами выступала на ледяной корке. Никто из них не понимал, зачем они пришли сюда, но и Лизе, и Юрию это казалось таким же естественным, как Тошке, – и чувство естественности происходящего объединило их в эти часы.

Тошка попытался было вылезти на лед, но Юрий решительно положил руку ему на плечо.

– А вот это – нет. Понял, Антон?

Обратно они ехали молча, но Лиза не чувствовала ни малейшей неловкости из-за этого молчания. Юрий первым нарушил его.

– Устали, дорогие спутники? – спросил он. – Лучше было в «Аквариуме» гулять?

– Нет! – ответили Тошка и Лиза в один голос.

– Вот видите! – Юрий удовлетворенно улыбнулся. – Я-то знаю, что нужно человеку для счастья.

Инги дома уже не было, и Лиза пошла на кухню разогревать обед, который стоял на столе в блестящих фирменных судках.

– Инуся в своем репертуаре, – улыбнулся Юрий. – Бедный Широбоков!

– А ты не любишь ресторанных обедов? – поинтересовалась Лиза.

– Да вообще-то мне все равно, – пожал плечами Юрий. – Теперь в ресторанах хорошо стали готовить. А пока учился, в столовке студенческой ел каждый день. И ничего, жив, как видишь.

Он сидел у окна, солнечные лучи, пробившиеся сквозь неплотные тучи, освещали его лицо, и Лиза всмотрелась в него повнимательнее.

Он показался ей красивым – да, конечно, он красивый, Инга не выдумывала, когда так о нем говорила. Да и самой Лизе – тогда, в больнице, – его внешность показалась выразительной. И тогда, и теперь ее поразило сочетание мужества и детскости в его чертах. Глаза

серые, со стальным отливом, но взгляд меняется – то твердый, то обезоруживающе веселый. Подбородок такой, который принято называть волевым, но на нем – мягкая ямочка.

Лизе хотелось спросить, как он чувствует себя: все-таки впервые она видела его в больнице. Но ей было неловко, да и не хотелось рассказывать о том странном дне, когда, выйдя из его палаты, она почувствовала беспричинное и благодатное спокойствие.

Интересно, где сейчас его жена Юля? Ах да, в Париже, ведь он сказал. Она и тогда опаздывала на самолет. Бывает же такая жизнь!

– А почему ты не стал художником? – спросила Лиза неожиданно для себя.

Наверное, его необычные глаза заставили ее подумать об этом.

– А почему я должен был стать художником? – удивленно посмотрел на нее Юрий. – Я больше по компьютерам... И почему ты спрашиваешь?

– Нет, просто... Мне показалось, ты не очень похож на технаря.

– Да? – Он прищурился. – Не знаю, едва ли.

Лиза почувствовала, что он не хочет говорить на эту тему, но не поняла почему.

– Ты сколько сегодня с Тошкой сидишь? – спросил Юрий. – Пока Инга не вернется?

– Да.

– Жаль, я бы тебя домой подбросил. Ну что ж, мне пора.

Увидев, что он собирается уходить, Лиза почувствовала легкое разочарование, едва ли не обиду. Ей-то казалось, они провели вместе прекрасный день, а он вот уходит без тени сожаления и даже не поинтересуется, увидятся ли они еще раз.

– Счастливо, Юра, – все же улыбнулась она. – Спасибо, день был прекрасный.

– Не за что. – Он улыбнулся в ответ, и Лиза тут же забыла обиду, увидев его необыкновенную улыбку. – Тошка, пока! Я заеду, как только посвободнее буду, надо же еще с мамой твоей поговорить.

Лиза и Тошка проводили его до прихожей. Видно было, что Тошка тоже разочарован: зачем дядя Юра уезжает так скоро! Лиза подошла к окну. Сверху Юрий «Форд» казался длинным и узким, устремленным вперед. Машина рванулась с места и, не притормозив на повороте, вылетела со двора.

Глава 6

В тот сумрачный апрельский день, когда Лиза так неожиданно, через год после первой встречи, увидела Юрия Ратникова, – настроение ее вновь переменялось.

Она сама не могла понять, почему жизнь казалась ей такой безнадежной всего несколько дней назад. В самом деле, что такого страшного с нею происходит? Ну, жилье неуютное, соседи-склочники – разве это повод для уныния? Чувство опоры, которое было утрачено, вдруг вернулось к ней. Лиза не понимала почему, но радовалась этой неожиданной перемене.

С Юрием она больше не виделась, но воспоминание о пасмурном весеннем дне, когда они стояли над разбухшей, готовой сбросить лед рекой, жило в ее душе. Лиза обращалась к этому воспоминанию часто и почти бессознательно, словно бы за поддержкой.

Он появился, как и в первый раз, неожиданно – не только для Лизы, но и для Инги с Тошкой.

Лиза занималась с мальчиком, когда раздался звонок, – и сердце у нее вдруг дрогнуло. Она прислушалась к звукам в прихожей и сразу узнала Юрин голос. Кажется, он был один. Лиза услышала, как брат с сестрой прошли в гостиную, дверь за ними закрылась, и голоса стихли за дверью.

Они столкнулись через час на кухне. Юрий вышел вытряхнуть пепельницу, а Лиза – поставить чайник.

– О, да ты здесь! – удивился он. – Почему же не показываешься?

– Мы занимались, – объяснила Лиза. – Как дела, Юра?

– Нормально. Втягиваюсь понемногу.

Юрий смотрел на Лизу с тем же веселым интересом, что и в первый раз. Неожиданно он спросил:

– А почему ты не спросишь, чем я занимаюсь?

Лиза засмеялась:

– Знаешь, один человек сказал мне однажды, что по этому вопросу сразу узнают провинциала.

– А ты хочешь выглядеть столичной дамой? – Юрий тоже улыбнулся.

– Нет, просто теперь мне и самой не приходит в голову об этом спрашивать.

– Напрасно. Слушай! – вдруг воскликнул Юрий. – А ты не могла бы помочь мне сегодня? Вот, ей-Богу, как я сразу о тебе не подумал!

– Помочь могла бы. А в чем?

– Да понимаешь, мне надо ехать на прием в немецкое посольство, приглашали с женой, а она еще не приехала...

– И ты хочешь, чтобы я изображала твою жену? – удивилась Лиза.

– Да нет, зачем жену? Просто – мою спутницу, вполне достаточно. К тому же, – он слегка смутился, – по-немецки я не очень-то и чувствую себя дурак-дураком. Из-за меня все переходят на английский, а то и по-русски начинают объясняться. Положим, по-английски им не так трудно, как по-русски, но все равно это их сковывает, я же вижу. А мне сегодня очень важно, чтобы все было непринужденно, от этого многое зависит. Так поедем?

В его голосе прозвучала просительная интонация, и это удивило Лизу. По собственному опыту она знала, что люди с его общественным статусом просить не привыкли и повелительные нотки прорезываются в их голосах даже помимо желания.

– Конечно, – сказала она.

– Отлично! – обрадовался Юрий. – Вот спасибо!

Лиза снова невольно улыбнулась:

– Ты так меня благодаришь, как будто не на прием приглашаешь, а полы помыть. Ведь там, наверное, будет интересно?

– Честно говоря, для меня это не тот случай, когда я смогу расслабиться. Работа предстоит, тут уж не до интереса. Я и правда очень рад, что ты согласилась. Значит, так: едем к восьми, сейчас четыре. Ты закончила с Тошкой?

– Не совсем, но...

– Отложим ваши занятия. Тебе ведь надо собраться?

Конечно, Лиза собиралась переодеться, но ей было не очень приятно, что Юрий подумал об этом. А если бы платье, надетое на ней, оказалось у нее единственным, что он сказал бы тогда?

– Мы вот что сделаем, – продолжал он. – Поезжай-ка сейчас домой, а я заеду за тобой в полвосьмого, да?

«Интересно, он специально заканчивает свои командные фразы этим милым вопросом или это у него само собою получается?» – подумала Лиза.

Во всяком случае, эта завершающая интонация обезоруживала ее, и она кивнула, соглашаясь.

Инга кисло поморщилась, когда брат объявил ей, что Лиза уходит домой, чтобы подготовиться к вечернему приему.

– Неужели ты один не можешь съездить? – спросила она. – Лиза будет выглядеть в этой ситуации довольно двусмысленно.

– Глупости, – отрезал Юрий. – Ничего двусмысленного, и не надо делать вид, будто на сей счет существуют светские правила.

Впервые за много месяцев сердце у Лизы билось в предчувствии чего-то необычного, когда она торопилась домой. Выбор одежды не казался ей проблемой: вечерние наряды от Орлова, которые ей попросту некуда было носить, висели в шкафу.

Выйдя из ванной, она распахнула скрипучие дверцы и перебрала платья. Конечно, она наденет свое любимое, из зелено-голубого переливчатого шелка. Все говорили, что это платье идет к ее глазам.

Поколебавшись минуту, Лиза достала из потайной коробочки изумрудный гарнитур, подаренный в Германии Паулем. Вообще-то она не любила его надевать, хотя чудесные камни и тончайшей работы оправа очень ей нравились. Но с этими драгоценностями была связана неловкость: их подарил человек, от которого она чувствовала себя не вправе принимать подарки...

Духи, прическа, туфли... Как давно ей не приходилось заниматься всем этим в предвкушении приятного вечера!

Лиза спустилась вниз как раз в ту минуту, когда Юрий остановил машину у ее подъезда. Выйдя из кабины, чтобы распахнуть перед ней дверцу, он окинул ее быстрым взглядом, но из-за длинного светлого плаща трудно было понять, что именно на ней надето.

«Ничего, – подумала Лиза с легким злорадством. – Пусть побеспокоится, не поврежу ли я его респектабельности!»

Его плащ был, как обычно, расстегнут, и Лиза заметила, что на Юрии – табачного цвета костюм, светло-зеленая рубашка с маленькими пуговками на воротнике, и галстук подобран в тон рубашке и костюму.

– Вообще-то мы едем не в посольство, а домой к советнику по экономике, – объяснил Юрий по дороге. – Его жена – милая женщина, с ней тебе будет легко. Да он и сам парень хороший, к тому же молодой. Вообще, ты не бойся, все будет довольно непринужденно. Просто мне надо решить несколько вопросов, притом незаметно, без видимых усилий, так что ты не отходи от меня далеко, да?

– Теперь ты мне все-таки скажи, чем занимаешься, – попросила Лиза. – Компьютерами?

– Нет, это в прошлом, – ответил Юрий. – Теперь у меня инвестиционная фирма, мы разными вещами занимаемся. Как бы тебе объяснить... Ну вот, существует, допустим, в Европе такая очень крупная компания, которая занимается инвестициями в выгодные проекты. И у нее множество отделений по всему миру. Вернее, это довольно самостоятельные компании, но они входят в концерн, и через них происходит инвестирование. Они занимаются разными делами – информацией, покупкой недвижимости, строительством, эксплуатацией зданий – и стараются охватить как можно большее жизненное пространство.

– Спрут, в общем, – улыбнулась Лиза.

– Ну да, в этом роде, – согласился Юрий. – Хотя не обязательно мрачный спрут, просто сеть такая, просто работа, которая так организована. И отлично организована, можешь мне поверить. Через эти связи можно делать все, и, если ты вошел в эту систему, ты обладаешь огромными возможностями.

– И ты вошел в эту систему?

– Почти, в этом все дело. Я год в Германии только тем и занимался, чтобы в нее войти. Изучал, как все это работает, и вообще... Нам, знаешь ли, не слишком там доверяют – удивляться, правда, не приходится, – так что пришлось потрудиться, чтобы это переломить. И сейчас все близко к завершению, поэтому важен каждый шаг.

– Тебе это нравится? – Лиза внимательно взгляделась в его лицо; взгляд Юрия был устремлен на мокрую дорогу.

– Да, – сказал он. – Это очень неужко, понимаешь? И поэтому мне нравится.

– Ты любишь разбрасываться?

– Я не люблю чувствовать себя скованным, вот и все. Я не люблю несвободу.

Взгляд его стал жестким, и Лиза подумала, что ему уже, наверное, не раз пришлось отстаивать свое право на свободу...

Они проехали по Мосфильмовской улице к посольским коттеджам, ворота медленно открылись перед ними. Постовой проверил документы, и, тихо шурша шинами по гладкому асфальту, машина подъехала к подземному гаражу. Неожиданно Лиза засмеялась.

– Ты что? – удивленно посмотрел на нее Юрий.

– Знаешь, что на табличке написано – вон там, смотри, на детской площадке, к качелям прицеплена?

– Что?

– «Пользуясь детскими аттракционами, вы действуете на собственный риск». В общем, «за вещи, сданные в гардероб...». Только в немецком варианте.

– Да, я тоже там посмотрелся, – улыбнулся Юрий. – Иногда не знаешь, как к этому относиться. Вроде все по делу, а смешно. Они мне однажды прислали план совместных мероприятий, так там каждое действие – вплоть до покупки офисной мебели, представляешь? – было расписано до минуты, и это на полгода вперед. Немцы, одно слово.

Жена советника, фрау Эва Виссенберг, встретила их в просторном холле большой квартиры. Лиза заметила, что прямо из холла ведет на второй этаж деревянная лестница.

Она почувствовала едва ли не ностальгию, войдя в этот дом. Вспомнился дом Нойбергов – даже смешанный, тонкий аромат кофе и цветов был похож.

Приветливо улыбнувшись Лизе и Юрию и поболтав с ними пять минут о необычно холодной весне, фрау Виссенберг удалилась к другим гостям, предоставив им развлекаться пока самостоятельно. Впрочем, к Юрию тут же подошел невысокий черноглазый мужчина, и оба они о чем-то оживленно заговорили. Разговор шел по-английски, и Лиза почувствовала себя неловко. Вроде бы переводить не надо, но тогда что ей делать, не стоять же истуканом рядом с Ратниковым? Тот, спохватившись, по-русски представил ее своему собеседнику:

– Мою спутницу зовут Елизавета Успенская. Господин Саймон, культур-атташе Великобритании.

«Ого! – подумала Лиза. – Как с таким и разговаривать...»

Впрочем, волновалась она напрасно: разговаривать с культур-атташе Великобритании оказалось проще, чем с Ингой Широковой. Он тут же перешел на русский и завел с Лизой беседу о недавнем балетном фестивале. Уже через минуту она забыла, что перед нею персона грата.

Они взяли по бокалу аперитива с подноса у подошедшей улыбающейся девушки и присели на диван в гостиной.

Дом наполнялся гостями, легкий шум и смех доносились отовсюду, и Лиза почувствовала себя так легко и свободно, как ей давно уже не приходилось себя чувствовать. Даже подзабытый горьковатый вкус кампари придавал ей уверенности.

Юрий уже беседовал с кем-то другим, незаметно оставив Дэвида Саймона с Лизой. Прислушавшись, она поняла, что он снова говорит по-английски и ее присутствие необязательно.

Вскоре их пригласили в овальную комнату рядом с гостиной, где уже было расставлено на большом столе множество блюд, и Лиза снова оказалась рядом с Юрием.

– Ты прекрасно выглядишь, – шепнул он, наклонившись к ней. – И вообще, ты молодец. Лиза слегка зарделась от его слов и, главным образом, от ободряющей интонации.

– Сегодняшняя встреча – в честь приезда наших дорогих друзей из Германии, – объявила хозяйка, когда гости собрались вокруг стола. – Многие из вас уже знают друг друга по совместной работе, кто-то познакомится сегодня. Мы с мужем рады видеть вас всех у себя и надеемся, что сегодняшний вечер вы проведете приятно.

Она улыбнулась и первой подошла к столу.

– Ты понял, что она сказала? – спросила Лиза.

– Да, это-то нетрудно. Ты только наблюдай, если я начну говорить с кем-нибудь по-немецки, подойди, пожалуйста.

Кивнув, Лиза взяла с отдельного столика тарелку, столовый прибор, завернутый в крахмальную салфетку, и направилась к столу, уставленному закусками. Она была не слишком голодна, но при виде разноцветных канапе у нее потекли слюнки.

Держа в руках тарелки с закусками, гости возвращались в гостиную. Кто-то открыл двери на балкон, и самые стойкие отправились туда, уселись в плетеные кресла.

Лиза старалась держаться рядом с Юрием, хотя видела, что он пока еще не ведет ни с кем серьезного разговора. Правда, он беседовал со множеством людей, но Лиза уже различала перемены его интонации и взгляда и понимала теперь, что в его глазах и голосе нет сосредоточенности.

И, пользуясь этим, она с удовольствием болтала с сухопарой дамой, женой немецкого коммерсанта, которая проявила живейший интерес к воспитанию детей в России и в Германии. Это была обычная беседа, Лизе десятки раз приходилось разговаривать на подобные темы у Нойбергов. Но – наверное, потому, что целый год она была лишена нормальных собеседников, – этот разговор увлек ее.

Она вдруг представила всех мальчишек, с которыми приходилось возиться в последние два года: племянника Андрюшку, Александра Нойберга, Тошку, – и ей самой стало интересно объяснять, чем они отличаются друг от друга и в чем похожи. Ее собеседница сначала вежливо кивала, поддерживая разговор, но постепенно и ей передалось Лизино увлечение, и она уже с нескрываемой приязнью смотрела на милую русскую девушку, у которой оказались такие неожиданно живые суждения.

– У вас есть дети, фрау Успенская? – спросила она.

– Нет, я даже не замужем, – ответила Лиза.

– Да? – удивилась немка. – А я думала, господин Ратников ваш супруг.

– Нет, я его сотрудница и переводчица, – неожиданно для себя объяснила Лиза.

Но, в конце концов, должна же она была как-то объяснить свое присутствие.

Тут, кстати, она заметила, что Юрий стоит рядом с хозяином, Франком Виссенбергом, и что-то говорит. Извинившись перед своей собеседницей, Лиза подошла к ним.

Она сразу поняла, что это и есть тот разговор, о котором предупреждал ее Юрий. Его лицо по-прежнему было открытым, жесты – непринужденными, но она почувствовала, как переменялся его взгляд, какое пристальное внимание появилось в глазах.

Юрий уже представлял ее советнику раньше, и теперь Лиза просто присоединилась к разговору; впрочем, ей пришлось только переводить. Сначала Виссенберг и Юрий говорили на самые общие темы, и Лиза переводила без затруднений, но, когда разговор коснулся дел фирмы, ей пришлось напрячься, чтобы не упустить его нить.

В гостиной Нойбергов в Кельне ей приходилось говорить о литературе, много рассказывать о России, но никогда еще ее собеседники не говорили на какие-нибудь специальные темы. Она старалась дословно перевести все, что говорил Юрий, и, мгновенно догадываясь, когда он перестает понимать немецкую речь Виссенберга, почти незаметно переводила слова советника на русский. Уже через десять минут она почувствовала себя спокойнее, успевая следовать за разговором. К счастью, они беседовали недолго – все-таки это был дом советника, а не бюро – и вскоре разошлись, по-видимому, довольные друг другом.

– Все нормально? – спросила Лиза.

Тут только она поняла, что, занятая переводом, даже не уловила сути разговора.

– Да, отлично. – Юрий посмотрел на нее с благодарностью. – И, кажется, – все, кончена работа. Слушай, да ведь ты совсем не ела! – вдруг заметил он. – А там десерт подали. Погоди, сейчас я тебе принесу.

С этими словами он исчез в соседней комнате. Лиза присела на полукруглый угловой диван, наблюдая за гостями. В основном здесь были иностранцы – немцы, англичане, бельгийцы. Среди них Лиза сразу угадывала русских, хотя внешне они мало чем отличались от остальных. Но она давно уже заметила, что даже у самых элегантных ее соотечественников нет той внутренней непринужденности, которая чувствуется в каждом жесте европейцев.

Ей давно уже было интересно: а как она сама-то выглядит со стороны? Лиза не чувствовала себя скованной, но ведь наверняка и она двигается и говорит так же, как другие русские. Впрочем, эти размышления не угнетали ее. Даже лучше, когда люди разные, на них интереснее смотреть.

Юрий вернулся через несколько минут, держа в каждой руке по вазочке клубники со сливками. Они пересели за один из столов, накрытых белоснежными скатертями, Юрий придвинул бокалы. Девушка тут же подошла к ним.

– Что вы будете пить, господи? – спросила она.

– Хочешь розового вина? – Юрий вопросительно посмотрел на Лизу. – Давай ты вина выпьешь, а я «Мартеля» немного, да?

– Но ты же за рулем? – удивилась Лиза.

– Ничего, я чуть-чуть, пока поедем, все уже выветрится, – успокоил ее Ратников. – Не бойся, пьяным я не езжу, это исключено.

– Юра! – услышала вдруг Лиза. – Столько народу, я все никак до тебя не доберусь!

Рядом с ними стояла дама лет тридцати в черно-сером переливчатом платье. Ее длинная шея была украшена широким колье из серого жемчуга.

– Я думала, ты не один, – протянула дама, глядя тем не менее прямо на Лизу. – А Юля где?

– Юля в Париже, – ответил Ратников. – Мою спутницу зовут Елизавета Успенская. А это Наташа Кизилина, подруга моего детства, ныне жена бельгийского дипломата.

«Все они одинаковые», – подумала Лиза.

Ей тут же вспомнилась Рита, подруга детства Виктора Третьякова, которая вот точно таким же высокомерным взглядом окидывала ее, когда они собрались в его подмосковном особняке.

Впрочем, теперь Лиза чувствовала себя совсем иначе, чем два года назад. Тогда она не знала, куда руки девать, провалиться была готова под этим презрительным взглядом, теперь же просто кивнула Наташе Кизилиной, не переменившись в лице.

– Очень приятно, – протянула дама. – Юра, можно тебя на пару слов? Извините, мы с мужем редко бываем в Москве, давно не виделись с Юрой, – бросила она Лизе, увлекая Ратникова за собой.

Вечер шел к завершению, видно было, что все уже переговорили друг с другом, что уже отдан долг и вежливости, и искренней приязни. Один за другим гости стали подходить к хозяевам, прощаясь.

– Мне было очень приятно познакомиться с вами. – К Лизе подошла жена немецкого коммерсанта. – Когда вы снова посетите Германию, мы с мужем будем рады видеть вас у себя.

Она улыбнулась и протянула свою визитку. Простившись с ней, Лиза огляделась. Где же Юрий, не пора ли и им уходить?

Она тут же увидела его через прозрачную балконную дверь. Юрий прощался с каким-то высоким мужчиной – наверное, с мужем Наташи, которая тоже стояла рядом.

«Что за удовольствие эти люди находят в том, чтобы кого-то унижить? – подумала Лиза. – Ну что я сделала этой Наташе, почему ей так хотелось продемонстрировать мне свое превосходство?»

– Извини, – сказал Юрий, вернувшись в гостиную. – Мы действительно сто лет не виделись. Хотя я, правду сказать, не очень по Наташке скучал, – улыбнулся он. – Не грусти, не обращай внимания. Нам, кстати, уже и идти пора.

Потом они прощались с хозяевами, потом Юрий помог Лизе одеться, и они спустились из подъезда прямо в подземный гараж. Культур-атташе Великобритании приветливо помахал им рукой из окна черного «Мерседеса».

– Хороший вечер был, правда? – спросила Лиза, когда Юрий вырулил на набережную.

– Ничего, – пожал он плечами. – Неудомительный, во всяком случае. И результативный – благодаря тебе. – Он бросил быстрый взгляд на Лизу, помолчал. – Послушай, – спросил он через минуту, – а сколько тебе лет, если не секрет? То есть я к тому, что ты выглядишь слишком молодо по сравнению с тем...

– С чем? – заинтересовалась Лиза.

– По сравнению с тем, как держишься, – объяснил он. – Инга говорила, ты два года назад приехала из какого-то городка в Белоруссии. Трудно поверить.

– Из Новополоцка, – подтвердила Лиза. – И действительно два года назад. Просто эти годы были довольно... разнообразные.

– И Наташка тебя не смутила, – продолжал он. – Хотя она вела себя просто по-свински.

– Ну, это я после Германии, – улыбнулась Лиза. – Хотя там таких не было, конечно, но именно после Германии. Мне трудно объяснить почему.

Юрий кивнул.

– Не понимаю, что ты делаешь у Инги, – сказал он, еще помолчав. – Неужели ты не можешь найти ничего поинтереснее?

– Юра, странно от тебя это слышать! Ну что я могу сказать, устраиваясь на работу? Я такая-разэтакая, только вот без прописки и образования, но возьмите меня, не пожалеете? И как ты думаешь, что мне предлагают?

Он усмехнулся.

– Вот именно. А если я не хочу посещать с шефом сауну? Так что не задавай глупых вопросов.

Они уже ехали через мост у Белого дома. Неожиданно Юрий сказал:

– Слушай, а давай ты будешь работать у меня? По-моему, у тебя отлично получится. И платить я буду больше, чем Инга. Соглашайся, а? – Поймав недоверчивый Лизин взгляд, он добавил: – Со мной не надо ходить в сауну, честное слово.

– Давай... – медленно произнесла Лиза. – Спасибо, Юра...

– И тебе спасибо! – Он оживился. – У меня отличный работает народ, тебе понравится. Запиши-ка мне свой телефон.

Лиза записала номер телефона в прикрепленную перед ней книжечку с отрывными страницами.

«Может быть, он еще раздумает, – мелькнуло у нее в голове. – Слишком уж быстро он это решил...»

Впрочем, она уже догадывалась, что Ратников многое решает быстро. Она не стала спрашивать, что будет делать. Скорее всего, будет переводчицей, а вообще-то он ведь объяснит ей это потом?

По вечерним улицам машина неслась быстро. Юрий уже вел ее по пустынному Рождественскому бульвару. Он въехал в узкий Лизин двор, остановился у подъезда.

– Счастливо, Лиза, – сказал он, помогая ей выйти. – Которое твое окно? Я здесь покурю, пока ты поднимешься. Уж больно подъезд у тебя мрачный.

– А ты разве куришь? – удивилась она. – Я не заметила.

– Так, вечерами иногда, – объяснил он. – Осталась привычка со студенческих лет. Сидели вечно до утра с ребятами, говорили... Спокойной ночи! Я позвоню на днях.

Простившись с ним, Лиза вошла в подъезд. Лифт остановился где-то вверху, и она ждала, когда погаснет кнопка. Вдруг чьи-то руки обхватили ее сзади, и на мгновение у нее мелькнула мысль, что это какая-то невообразимая Юрина шутка. Но, конечно, это был не он – отвратительный запах перегара ударил ей в лицо.

– Деньги вытаскивай, – прохрипел голос у нее за спиной. – И паспорт.

Это было так неожиданно, что Лиза даже не успела испугаться.

– А паспорт тебе зачем? – воскликнула она, вырываясь из этих вонючих рук. – В нем прописка не московская!

Наверное, грабитель не ожидал такой фразы. Руки его слегка разжались, и Лиза отпрянула в сторону. Перед ней стоял верзила неопределенного возраста и довольно мрачного вида. Он был пьян и слегка покачивался, тупо глядя на нее. Впрочем, он быстро оправился от неожиданности.

– Деньги, говорю, давай, пас-с-куда, – повторил он. – Давай сама, пока не придушил!

Денег у нее с собой было немного, но ей вдруг стало противно самой отдать их этому мерзкому типу.

– А ну, пусти! – Она попыталась оттолкнуть его, но он, разозленный сопротивлением, действительно схватил ее руками за шею.

«Задушит! – в ужасе подумала Лиза. – С кем вздумала спорить?»

Верзила сжал пальцы, и она вскрикнула.

– Я тебе поору! – прохрипел он.

Кажется, он уже забыл о своей первоначальной цели, ему просто доставляло удовольствие сжимать пальцы. В глазах у Лизы потемнело.

«Господи, как глупо!» – мелькнуло в голове.

Она закричала насколько хватало сил, забилась в руках верзилы. Неожиданно хлопнула входная дверь, она услышала стремительные шаги в подъезде.

В следующее мгновение пальцы верзила разжались, раздался глухой удар, и Лиза увидела, как он покатился со ступенек. Юрий уже стоял рядом с ней, плечом отодвинув ее к самому лифту.

Наверное, потому, что верзила был пьян, он тут же поднялся и, угрожающе покачиваясь, пошел на них снизу. Следующий, двойной, удар остановил его, когда он был совсем рядом. Верзила сломался пополам, взвизгнул.

– Ты, мужик, сдурел? Я ж ниче...

Он попятился, снова упал вниз и быстро, на четвереньках, выполз из подъезда.

Юрий часто дышал – то ли от усилия, то ли от гнева. Лиза испуганно вцепилась в его рукав.

– Ох, Юра, я так перепугалась! Не понимаю, откуда он взялся?..

– Я же говорил, подъезд какой-то мрачный.

В тусклом свете лампочки Лиза увидела, что он уже улыбается.

– Да нет, я тысячу раз здесь ходила, и вечером тоже, все было нормально. И вдруг вот...

Как хорошо, что ты услышал!

– Я же должен защищать своих сотрудников, да? – Он смотрел на нее весело и ободряюще. – Но, конечно, это я расслабился. Хожу себе один, как в Германии...

Лицо его стало серьезным, и Лиза вспомнила, каким безжизненным было это лицо, когда она впервые увидела Юрия – в больнице... Юрий открыл дверь подъезда, выглянул на улицу.

– Быстро как смылся, – сказал он. – Считай, повезло нам.

– Ты так хорошо дерешься, – заметила Лиза с детским восхищением.

– Да? Приятно слышать. Это я боксом увлекался когда-то. Самоутверждался, пока не понял, что удары по голове вредят интеллекту. Но с этим-то ублюдком мне драться ведь не пришлось. – Он брезгливо тряхнул рукой. – Вот что, давай я тебя наверх отвезу, а то мало ли...

Они вместе поднялись наверх, и, не выходя из лифта, Юрий дождался, пока Лиза откроет дверь.

– На этот раз – спокойной ночи? – Он помахал ей рукой. – До скорого, Лиза!

Взволнованная тем, что с ней случилось, Лиза только кивнула.

Полина Ивановна уже спала, в квартире было тихо. Лиза включила свет в коридоре, на кухне, в своей комнате. Только сейчас ей стало по-настоящему страшно. Как же она будет теперь входить в этот проклятый подъезд?

Она выглянула в окно. Ратников стоял внизу у машины и, увидев ее, еще раз помахал ей снизу.

Глава 7

Сергей Псковитин не мог вспомнить, сколько лет знает Юру Ратникова.

Первое воспоминание о нем было: они дерутся из-за новой Юркиной лопатки, тот пыхтит, краснеет, но никак не может вырвать из рук Сергея свое сокровище. Но, конечно, их знакомство началось не в тот день, а гораздо раньше, потому Сергей и не мог вспомнить...

Потом: первое сентября, они пошли в первый класс, и Сергей после уроков ждет, когда Юра выйдет из школы, чтобы вместе идти домой. Наконец Юрка показывается в дверях, но в руках у него два портфеля – свой и Юли Студенцовой. Юля идет рядом с ним, вид у нее независимый, но и Юрка держится небрежно, как будто это не ее портфель он безропотно тащит.

Сергей смотрит на них и вздыхает: придется идти домой одному, он уже знает, что третий – лишний. Что ж, Юлька хоть и девчонка, но зато самая красивая девчонка не только в классе, но и во всей школе, и во всем их дачном поселке.

Они выросли на одной улице и даже были соседями. То есть это только называлось так – соседи, потому что дома стояли рядом. Но дом, в котором жил Юрка, принадлежал его отцу, начальнику Союза художников и академику Владимиру Сергеевичу Ратникову, а мать Сергея просто сторожила дачу, в которую летом приезжала семья покойного профессора Лукина.

Накануне приезда Лукиных из Москвы Сергей вместе с матерью переходил жить в летний домик, похожий не то на кухню, не то на сторожку, который стоял тут же, в саду. Правда, Лукины никогда не задерживались позже сентября: вдова профессора где-то преподавала, и ей неудобно было жить не в городе. И вообще, она не любила дачной жизни и не чувствовала в ней никакой потребности, так что Сережка долго считал себя настоящим хозяином дачи.

Ратниковы жили здесь постоянно – в огромном деревянном доме, не похожем ни на один дом в поселке. Дом Ратниковых был похож на корабль, и Сергею все время казалось, что он вот-вот оторвется от фундамента и устремится куда-то вперед.

Эльвира Павловна, мать Юрки и его нудной сестры Инги, говорила, что обожает деревенскую жизнь. Но, конечно, та жизнь, которую вели обитатели «поселка академиков», вовсе не была деревенской. Их дети лазали по деревьям, коленки у них постоянно были разбиты, штаны разорваны, и ходили они в ту же школу, что и ребята из соседней деревни. Но на этом сходство и заканчивалось.

Несколько раз в неделю за Эльвирой Павловной приезжала из Москвы черная «Волга», а Владимир Сергеевич ездил в город каждый день. А когда Юрка подрос, к нему стали привозить из Москвы учителя какой-то особенной математики, три раза в неделю.

– Ребенок должен получить приличное образование, – объясняла Эльвира Павловна Сережкиной маме, и та кивала.

Они дружили. Они не просто дружили – все свое детство Сережа помнил как вечное подражание Юрке. Конечно, не потому, что тот был профессорский сынок и у его папаши была персональная машина. Он был не такой, как все, ни один мальчишка ни из деревни, ни из «академки» не был на него похож. Сергей не понимал, в чем состоит эта непохожесть на всех, как никогда не мог с уверенностью сказать, что придет Юрке в голову в каждую следующую минуту.

– Оторви да брось, – укоризненно говорила о Юрке Сережкина мать. – Из такой приличной семьи, а вот надо же, оторви да брось!

Двенадцатилетний Сергей не спорил с матерью, но и не верил ей. Все, что делал Юрка, было необыкновенно. Казалось, он и не представлял, что жизнь может быть обыкновенной, все вокруг него вертелось колесом.

Однажды он зазвал Сережку кататься на льдинах.

– Пойдем, – решительно заявил Юрка, вызвав его на улицу как-то в выходной. – Там же нешироко, сам знаешь. Даже Юлька не боится, с нами пойдет.

«Ну конечно, – подумал Сергей. – Как же Юрка не пойдет, если Юлька там будет!»

Он немного ревновал друга к этой красивой девочке, потому что знал: только она дороже Юрке, чем он, Сергей...

– Чего бояться? – Сергей пожал плечами. – Тоже мне река!

Река Листвянка действительно была неширокой. Но льдины плыли по ней стремительно, то и дело сталкиваясь друг с другом. Лицо у Юрки было сердитое – как всегда, когда что-то удавалось ему не сразу. Он смотрел на льдины, наклонив голову и засунув руки в карманы короткой куртки. Юлька стояла рядом с ним, и по быстрым взглядам, которые она бросала на Юру, Сергей понимал, что даже она растерянна.

– Может, ты не полезешь туда? – спросила Юлька.

Сергея она ни о чем не спрашивала – знала, что он сделает то же, что и Юра.

– Еще чего! – Юрка решительно шагнул вперед. – Я первый, а ты, если хочешь, за мной, – сказал он Сергею.

Он пробежал вдоль берега вверх по течению – туда, где у самой воды лежала огромная коряга, – и с нее легко перепрыгнул на льдину, которую как раз прибило к берегу. Подождал, не отплывет ли эта льдина, нельзя ли плыть прямо на ней, но та крепко зацепилась за что-то, и Юрка перепрыгнул с нее на другую льдину, на третью – из тех, что громоздились у берега.

Сережка и Юлька, как замороженные, следили за ним, но он даже не оборачивался. Вся его крепкая фигурка была напряжена, хотя он перепрыгивал со льдины на льдину легко, не вынимая рук из карманов.

Наконец Юрка оказался на льдине, которая не цеплялась за другие, а, едва он ступил на нее, поплыла по течению, все убыстряя ход. Юрка, кажется, не ожидал, что движение будет таким стремительным. Он пошатнулся, замахал руками, но все же удержал равновесие, и льдина понесла его вперед.

Хотя речка и была неширокой, Сергею показалось, что Юрка совсем далеко от них с Юлькой.

«Что же я стою?» – спохватился он.

Сергей быстро сбежал к воде и запрыгал по льдинам к середине реки – туда, где течение несло льдину с Юркой.

– Осторожно! – крикнула с берега Юля.

Но вообще-то она не была трусихой, в голосе ее и сейчас не чувствовалось страха.

Сергей добежал до последней льдины, прибитой к берегу, и остановился, не зная, что делать дальше. Юрка был недалеко от него, но их разделяла теперь темная вода. Ни одной льдины не было между ними.

– Эй, Юрка, стой! – крикнул Сергей – хотя как тот мог бы теперь остановиться?

Юрка обернулся на его голос, и Сергей увидел, что в глазах его мелькнул испуг. В ту же минуту он снова взмахнул руками, но на этот раз сохранить равновесие ему не удалось. Коротко вскрикнув, Юрка полетел в воду.

Его крик прозвучал одновременно с Юлиным криком на берегу, и Сергей даже не понял, кто из них закричал раньше. Он прыгнул одновременно с этим двойным криком, и ледяная вода обожгла его сильнее, чем обжигает пламя.

Вообще-то Юрка плавал хорошо, но, кажется, одна из льдин ударила его сзади. Сергей не понял, в чем дело, он только увидел, что лицо у Юрки бледное, а движения судорожные, совсем неловкие. Сам он плавал как рыба, все мальчишки завидовали, и даже сейчас, в обжигающей воде, его руки двигались уверенно и мощно.

Он сразу оказался рядом с Юркой и схватил его за ворот куртки. До берега было недалеко, и доплыл он быстро. Юрка тоже греб одной рукой, вторая висела как-то безжизненно.

Юля бросилась к ним сразу, как только они оказались на берегу – тяжело дышащие, мокрые. Обоих колотила крупная дрожь, вода лилась с них ручьями. Как назло, поднялся ветер, и Сергею показалось, будто он покрывается льдом.

– Домой, побежали скорее! – закричала Юлька. – Вы же замерзнете, вы же умрете!

«Что сейчас дома будет!..» – мелькнуло в голове Сергея.

Но размышлять об этом было некогда, и, собирая последние силы, они бросились к поселку. К счастью, матери дома не было – Сергей понял это издали по задернутым занавескам, – и они, все втроем, вбежали в теплую кухню лукинской дачи.

– Раздевайтесь, быстро раздевайтесь! – торопила их Юлька. – Сережа, водка есть у вас?

Непослушными руками Сергей достал из шкафчика над плитой бутылку самогона, припасенную матерью для печника. Пока они раздевались, кутались в снятые с кроватей покрывала, Юлька налила две полные чашки. Ни один из них никогда не пил спиртного. Самогон обжег горло, мальчишки закашлялись, но Юлька, не обращая внимания на их кашель, уже растирала их по очереди мокрой ладонью.

Вскоре Сергей почувствовал, как приятное тепло разлилось по телу, закружилась голова. Он видел перед собой блестящие Юркины глаза. Щеки у друга пылали, он смотрел на Юльку, которая двигалась как-то медленно, невероятно легко, и ее золотисто-каштановые волосы летели вокруг головы сияющим ореолом...

Отведя на минуту взгляд от Юльки, Юрка обернулся к Сергею.

– Если бы не ты, я бы погиб, – сказал он серьезно и тихо. – Я никогда не забуду.

Голос у него был торжественный, как в рыцарском романе, хотя язык и заплетался немного. Сергей знал, что его друг как раз увлечен сейчас Вальтером Скоттом, он и ему давал читать то «Айвенго», то «Квентина Дорварда». Но он знал и то, что Юрка не вычитал эти слова в романе...

Потом они легли рядом на разложенный диван, Юля накрыла их тяжелым ватным одеялом и села у них в головах рядом с Юркой. Глаза у Сергея закрывались сами собой, и, засыпая, он видел, как Юля гладит мокрые Юркины волосы.

Сергей так и не понял, зачем Юрка полез тогда на эту льдину. Это был один из загадочных поступков его необыкновенного друга. Зачем-то ему было это необходимо, а объяснять он все равно бы не стал, так что Сергей и не спрашивал.

Он не «выставлялся» ни перед Юлькой, ни перед ним – это Сергей знал точно. Хотя, конечно, Юрке не все равно было, что думают о нем окружающие. Но с Сергеем и Юлькой Студенцовой он был не таким, как с остальными.

Ему, например, с самого первого класса было плевать на насмешки друзей, когда он нес Юлькин портфель. Казалось, он даже не обращал на это внимания. Юлька была для него какой-то особенной, и вскоре Сергей к этому привык, потому что это не мешало их дружбе. Просто – была красивая девчонка, о которой Юрка помнил всегда и которая когда-нибудь должна была стать его женой.

Юрка сам сказал ему об этом – вернее, не специально сказал, а как-то мимоходом: мол, это потом, когда Юлька уже будет моя жена; тогда ему было тринадцать. Юлька тоже была при этом разговорчивой и не возразила ему – сделала вид, что не слышала.

Вообще, Сергей скоро совсем перестал ревновать к ней своего друга. У шестиклассницы Юльки уже была своя, отдельная жизнь, и эта жизнь была связана с тем, что Юлька была красавица. Она всегда такая была. Даже в том возрасте, когда все ее ровесницы превратились в гадких утят, Юлька только расцвела.

Все поселковые и деревенские мальчишки ходили за ней табуном, и не только ровесники – даже шестнадцатилетние и восемнадцатилетние приезжали к школе на ревущих мотоциклах, соперничая за право довести ее до «академки», где она жила с родителями.

Юлька никого не дразнила и не обнадеживала, она была просто неприступна, и причина тому была одна – Юра Ратников.

Многочисленные ухажеры очень скоро это поняли, и весь удар их ревности обрушился на него. И конечно, на Сергея Псковитина, потому что все, что касалось Юрки, касалось и его.

Юлька, пожалуй, и представить себе не могла, сколько драк выпало на долю ее будущего мужа, и все из-за нее! Он вечно ходил в синяках, однажды чуть глаза не лишился – к счастью, обошлось рассеченной бровью. И если бы не Сергей, который не вникал в любовные страдания непрошенных кавалеров, – ему и вовсе пришлось бы туго, потому что Юрка скорее умер бы, чем уступил соперникам, даже если бой был заведомо неравным.

Вместе они и боксом пошли заниматься – к тренеру из расположенной поблизости воинской части, который за небольшую плату организовал секцию из окрестных мальчишек.

Неожиданно Юрка оказался лучшим учеником. Реакция у него была мгновенная, короткие, ошеломляющие удары – неотразимые. Даже Сергей иногда проигрывал ему, не успевая отвечать на его стремительные выпады, хотя о мощных псковитинских кулаках легенды ходили и в деревне, и в поселке.

Это было самое счастливое время их дружбы – во всяком случае, для Сергея: он понимал своего друга так, как никогда уже не мог понять его потом. Они читали одни и те же книги, вместе гоняли на мотоциклах, и иногда Сергей даже жалел, что не влюблен в Юльку. Ему казалось, что они с Юркой и влюбиться должны в одну и ту же девушку...

Потом в «академке» появился Саша Неделин, и все пошло прахом.

Двадцать лет спустя Сергей Псковитин вспоминал все это, медленно двигаясь в плотном потоке машин по Садовому кольцу. Его не слишком раздражали пробки, он даже любил эти неизбежные остановки в середине бешеного дня, когда у него вдруг появлялось время сосредоточиться или расслабиться. Юра – тот просто зверел, когда приходилось тормозить.

– Все, Сереж, покупаем «Волгу» черную, ставим мигалку и будем ездить как чиновники средней руки – по встречной! – восклицал он.

Сергей только посмеивался над его нетерпением.

Сейчас он возвращался в офис, ожидая Юриного звонка: вдруг придется разворачиваться и ехать еще куда-нибудь.

Вернувшись из Германии, Юра взялся за московскую работу с удвоенной энергией. Сергей даже сердился на него. Все-таки год всего прошел после того, как вышел он из Склифа и, слабого, с синими кругами под глазами, Юля увезла его в Ниццу – приходить в себя на Лазурном Берегу.

Конечно, на курорте Юра не задержался. Вскоре он уже звонил из Германии, где с обычным своим упорством добивался именно того, чего ему слишком недвусмысленно посоветовали не добиваться. С уверенностью ожидая его звонка, Сергей заранее вызвал ребят из фирмы по защите информации, и те обшарили весь офис, чтобы убедиться, что их не слушают посторонние.

– Зря ты волнуешься, Серега, – смеялся Юра по телефону. – Я тут в Баден-Баден езжу, воду пью, как Тургенев с Достоевским.

– К рулетке не приохотился? – мрачно поинтересовался Сергей. – Мотор у тебя в заднице, вот что я тебе скажу!

И вот – месяца нет, как он вернулся, а спокойной Сергеевой жизни пришел конец.

Сергей давно уже научился разделять свою работу на две части: то, что он обязан понимать как начальник службы безопасности, и то, что ему совершенно непонятно и, значит, его не касается. Он простить себе не мог того, что произошло год назад.

«А все потому, – думал он, – что разбираться стал, в чем все равно не разобраться, в Юркиных непонятных планах. И расслабился, упустил из виду...»

Но Юра рассказывал ему обо всем, независимо от служебной необходимости, – так повелось с детства.

– Еще немного, Серега, чуть-чуть еще – и мы будем работать с ними на равных, – объяснял он свои усилия по завязыванию контактов с немецким концерном. – Если бы ты знал, как меня раздражает, когда меня считают идиотом!

– Да я-то знаю, – улыбался Сергей. – Неужели немцы тебя идиотом считают?

– Я все понимаю: и что они уже научены горьким опытом – с нашими-то работать, – и что они вообще любят взвешивать все до пылинки, но все-таки... Черт, и не объяснишь им! Самому-то кажется: ведь это ж я, я же не такой...

О том, что случилось год назад, Юра вспоминать не любил. Тогда казалось, все потерян. Выжить-то выжил, но проект по недвижимости с треском провалился, Ратников не смог получить от мэрии ни одного обещанного участка в центре, и это ставило крест на вхождении его фирмы в мощный европейский концерн.

– Какие проекты мы будем развивать, – сжав зубы, говорил он тогда Сергею, – если даже начать их не смогли!

Он курил сигарету за сигаретой, а лицо у него и без курева было серым. Сергей давно порывался забрать сигареты, но Юра отводил его руку.

Наконец на кухню вышла заспанная Юля и спокойно выбросила только что распечатанную пачку в окно. Юра даже возражать не стал – Сергей видел, что у него просто нет на это сил.

– Пойдем-ка и правда спать, Юрка. – Сергей встал и положил руку ему на плечо. – Ну что ты переживаешь, себя, что ли, не знаешь? Все будет о'кей, ты очухайся только...

И вот теперь, год спустя, все действительно завертелось и пошло как по маслу. Юрина неумная энергия сделала свое дело.

Он смог наладить все, что требовали немцы, – связи, информационную сеть, дочерние фирмы. И только проклятые новые московские участки маячили перед ним камнем преткновения.

– Все готово, понимаешь, все! – Ратников сидел рядом с Сергеем в машине, которую тот вел по Новому Арбату: Юра попросил, чтобы Сергей сам поехал с ним сегодня. – Участки эти я получу, пусть хоть снайперы стреляют! И тогда мы начнем сразу по всему фронту, улавливаешь идею? Все наши фирмы включатся одновременно, а они отлично налажены, можешь мне поверить, ты увидишь, как быстро все это заработает, это ведь отличная система, я сразу понял, как только о ней узнал!

– Типун тебе на язык, Юра, – ответил Сергей. – Какие еще снайперы?

– Да! – вспомнил Ратников. – Я девушку новую взял на работу.

– Что за девушка? – быстро спросил Псковитин.

– Красивая девушка, и такая... В общем, с ней легко работать, не сомневайся. Немецкий отлично знает, держится хорошо. Зовут Лиза Успенская, я уже договорился, она сегодня придет к пяти. Ты меня здесь не жди, пришли кого-нибудь, а сам ее встретить, если я не успею вернуться. – Вдруг Юра усмехнулся. – Я ее, знаешь, вчера даже от хулигана защищал.

Сергей недоуменно вскинул брови, не отрывая взгляда от дороги.

– Ну да, от алкаша какого-то, прицепился к ней в подъезде. По-моему, было довольно смешно, но ей понравилось. Алкаш-то плевать совсем, но я, оказывается, драться еще не научился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.